

18+

Кянганен Кирилл

ИМПЕРИЯ МАШИН

ПОГРАНИЧЬЕ

Кирилл Кянганен

Империя Машин: Пограничье

<https://litres.ru/63523842>

ISBN 9785005195296

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Неизвестный вырвался с окраин и направляется в сердце Островной Империи. Но прежде ему необходимо перешагнуть опасные рубежи, встающие на пути. Первый — город, возведенный в сердцеvine спящего вулкана. Еще на подъезде он узнает о жестокости местного правителя, превратившего земли в военизированную колонию. Второй барьер — его личная связь с силой, дарованной Клеймом. Преодолевая моральные ограничения, герой постепенно овладевает властью над другими. Но какова цена приобретенного могущества?

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Глава — 1 — Йом	7
Глава — 2 — Йом	24
Глава — 3 —	57
Глава — 4 — Барданор	73
Глава — 5 —	91
Глава — 6 —	107
Глава — 7 — Ульф	139
Глава — 8 — Салиса	150
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Империя Машин: Пограничье

Кирилл Кянганен

© Кирилл Кянганен, 2026

ISBN 978-5-0051-9529-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

Дорогой читатель! Перед тобой открывается вторая книга серии «Империя Машин». В этой части увеличилось количество сюжетных арок, которые постепенно присоединяются к основной линии повествования. Они необходимы для более полного раскрытия всех сторон конфликта, назревающего на «острове Скал». Я пытался показать особенности мировоззрения и переживания каждого героя, не создавая исключительно «правильной» или «порочной» роли.

Насколько это получилось — судить читателю.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Главный герой — Неизвестный, вырвался из пут окраин и направляется в сердце Островной Империи Севергард. Но прежде, ему необходимо преодолеть два серьезных барьера, встающих на пути. Один из них — это Остров Скал — город, возведенный в сердцевине спящего вулкана. Еще на подъезде он узнает о жестокости местного правителя — Александра, превратившего земли в военизированную колонию. Второй барьер — собственный характер и его взаимоотношения с необычайной силой, дарованной Клеймом. Преодолевая моральные ограничения, Неизвестный постепенно овладевает даром предвидения и контролем чужих эмоций. Но какова цена приобретенного могущества? Остался ли он человеком, или за право владения умами людей расплачивается свободой воли, и неумолимо превращается в монстра?

Глава — 1 — Йом

Остров Цветущих Роз пах... розами. Местные древоде-
лы даже вырастили Древо Роз, скрестив с Хвоелистом. В
результате каждый сезон все долины покрывались розовым
лепестками, которые сбрасывали деревья, а ветер взвивал и
разносил их по холмам вместе с благоуханием. По ободкам,
у границ острова, слегка напудренные снегом горы. Поди,
отыщи в такой великолепии недостатки! «А у кого-то аллер-
гия на цветочный сезон», — чихнув, подумал просветитель,
разваливаясь в открытом бассейне. В ванну то и дело опа-
дали нежные лепестки. А подносы у изголовья были забиты
краснючими плодами. Просветитель смачивал их медом и
ел. Фрукты мутировавшего дерева обладали внушительным
списком питательных свойств. От лечения простуды до об-
морочных припадков.

Береговая линия пестрела ракушками. На заре полуго-
лые отряды рабов отправляли на сборы даров моря. Одна-
ко, они зверски наказывались, если, вдруг выдумывали при-
прятывать находки, не согласовывая с надсмотрщиком, а по-
следний — с местным клочковладыкой. А, поскольку, дело
это хлопотное — составить акты, доложить, назначить заме-
стителя, пока отсутствуешь, который присмотрит за рабами,
то и выполнялось сие действие нечасто. Поэтому рабы бы-
ли вынуждены ходить впроголодь, наполняя огромные теле-

ги едой, пока не наступал положенный перерыв. Тогда-то их кормили до отвала, иногда позволяя полакомиться и лошадиным кормом из тертой моркови и отварной рисовой смеси. В отличие от имперских островных городов, на Розах никто не испытывал недостатка в пропитании.

С началом цветочного сезона на остров наведывалось большое количество гостей, давних родственников, «заскучавших» по близким, и, как и везде — торговцев. Неподалеку от Пиковых шхер, состоящих из мелких скалистых островов, наемники разгружали Странника Карсарского — глубоководный торгово-исследовательский корабль с раскладывающимися в плоскую платформу бортами. То, откуда он прибыл вызывало нешуточные споры. Нечасто ученые наведывались на Утренние архипелаги. Впрочем, их тяга к Острову Цветущих Роз была вполне объяснима: для экспериментов с вакцинами нужны люди, коих у них не хватало, а пускать в расход «лучшие умы в истории» — кощунство. «То ли дело — местная живность» — как именовали рабов морские наемники. Они работали только с двойным окладом, а участие в рискованных мероприятиях — оценивалось еще выше. После каждой разгрузки полагалось рассчитываться. Наемники припеваючи исполняли приказы, шутили, и, вообще, вели себя как цари, что вызывало у сопровождающих корабль ученых ощущение, будто с расценками их серьезно одурачили. На протяжении всего странствия по морю им встречались только имперские суда, патрулирующие грани-

цы. От кого же их защищали «бравые ребята»? Но наемники не лыком шиты. «Надули? Вот отправитесь обратно, попадете в плен — там и потолкуем. Да будет поздно».

Скоро, по плану Медварда, по острову проложат «висячую» железную дорогу, дабы обеспечить прочную связь и быстрый прогон людей из одного конца в другой. Часть оснований уже было заложено в грунте, и остров ожидал новую партию инженеров и строителей.

Вдруг, над береговым маяком с холма разнесся колокольный звон — в залив заходил Обменщик. Иные корабли посторонились. Сразу же освободилось место на причале. Трехъярусная махина, поблескивая стальной обшивкой, вызвала крупные волны, нахлынувшие на берег. Турбины окатили ближайшую скалу столпами пенящейся воды. До берега оставались считанные километры, когда двигатель внезапно заглушили, и, корабль по инерции проплыл недостающее расстояние, где его и развернул тягач, отбуксировавший Обменщика к отдельному пирсу, оборудованному клетками для «хранения рабов» — именно это прочитал Йом, когда его толкнули тупым наконечником в спину.

Стояла неопишуемая жара. Он поднял залитые потом глаза на белоснежное небо. «И где же ты — солнце?», но не было сил поднять руки. Ржавые кандалы стерли в кровь запястья, а на ногах расплзались волдыри. Слегка лихорадило — вероятно инфекция, да и не удивительно, учитывая то, в каких условиях их перевезли. Он слабо помнил, как угодил в ко-

рабль. Вот он ищет Тень, вот они встречаются, вот лорд Генри со злобной ухмылкой, затем, а затем водоворот, заполонивший все, что он видел. Как бы он не сопротивлялся стремительному потоку — тот швырял его о камни и железные столбы подобно мячику, скакавшему по полю. Затем долгие дни в полунебытии, размеренная качка... Кажется, его рвало, морская болезнь. Качка, скрип корпуса судна. Пару раз он пробуждался над тарелкой, в которой... была еда? Или... Йом ощущал, что тут, на корабле, над ним спустились сумерки, искажая все цвета жизни, кои он вдыхал полной грудью. Эта радуга чувств перемешалась в большой доле тьмы, из которой он вылез едва ли раньше, чем по кораблю прошелся звоночек о приближении к острову. Тогда-то он и присмотрелся к окружению. Он сидел на вытянутой скамье, упирающейся в стенку с окошком, куда уходило продолжение обитого сталью весла. К руке прибита цепь, держащаяся за скамью. Позади и спереди решетка, где точно такие же скамьи и одетые в мешковатые тряпки люди. Скрип, и весла задвигаются во внутрь, а окошки исчезают. Качка усилилась. У стенки «швы» по которым сверху вниз гуляют шестерни механизмов. В коридоре, объединяющем левый и правый борт прогуливается стража или же повар с передвижным столиком. Через окошки он подает тарелки с плотной массой, которую то едой назвать сложно, затем воду в громоздких бутылках. Кормили до отвала, но после пары скромных порций от такой кормешки тошнило. Заметив, что Йом очнулся и

ведет себя несколько иначе, чем ранее, стражник подошел к «камере» и потыкал в него длинным прутом. Его выволокли из секции гребцов, и отвели к лекарю, напичкавшему рот терпкой мятной смесью. Там, из лифтовой шахты, поднимающейся с кормы корабля, он и заметил разделение корпуса на модули. С лифта корабль выглядел как бы в разрезе, площадка с гребцами поднималась при шторме и люки задраивались, тем самым увеличивая место для трюма, куда влезало больше товара.

— Не тормози — в спину уперся острый предмет. Йом дернулся, бок легонько кольнуло. Гребцов по очереди загнали в клетки. Он настолько отвык от дневного света, что невольно прятал глаза. Прошел час, второй. Кандалы сняли, выдавая через решетку, в лодочкой сложенные ладони глинистую мазь. Йом растер ее по телу, и окинул взором побережье. Плавный переход от песчаной отмели к плотному слою тропического леса, затем поля, усеянные розовым свечением, и снова зелень. Остров как бы постепенно вздымался, чередуясь с пологой местностью. По правую руку от берега его окаймляли остроносые скалы. Виднелся силуэт маяка.

— Незнакомое место, — прошептал он, замечая, что в клетке то не один.

Соседи по заточению давненько обсуждали сложившиеся обстоятельства.

— Благодарю богов, что оно тебе незнакомо, — сказал кто-то из соседней клетки.

— И чем же вы так напуганы, как дети? Кто заведует этим островком на отшибе? Не припомню, чтобы в Севергарде было такого захолустья.

— Севергард? Ха! — услышал он тихий смех со всех сторон, но старик с многочисленной плешью на голове, сидящий около его ног прояснил

— Господин Медвард хозяин сего увеселительного заведения.

— Что-то я не наблюдаю восторга, — сказал Йом, — как причалим, попрошу, чтобы он освободил меня под залог.

— На острове Цветущих Роз не просят, а молятся.

Йом презрительно глянул на «сокамерников»

— Вы ведете себя как рабы

— Мы и есть рабы

— Как скажете.

Им по очереди надели более легкие наручники из кожи с именованным знаком и номером. У Йома оказался «лот №13450, разнорабочий и охранник публичных заведений». «Я кто, мать вашу, шлюхин сторож?».

С трапа в окружении свиты сошел человек в плаще. Заточенные мигом затихли, и даже Йом, намеривавшийся незамедлительно разобраться в ситуации, догадался, что перечить этому человеку не время. Навстречу, с пристани его приветствовали иные наемники, успевшие обработать ученых.

— Что-то вы задержались — произнес наемник, одетый в

белый плащ на мотив просветителя.

— Оказывал хорошо оплачиваемую услугу, — торговец улыбнулся, сдернув капюшон — среди седых волос пробивалось молодое лицо, изуродованное чудовищным шрамом от правой брови до затылка.

— Кто тебя так полоснул? — спросил мимо проходящий наемник

— Он уже не расскажет о своем везении.

Они оба рассмеялись.

— Вступай к нам, людей с юмором нынче не хватает.

— Как-нибудь обойдусь, — ответил капитан серьезно, но затем добавил, — когда налет на кормушку?

Кормушками наемники называли торговые баржи, отклонившиеся от защищенных баллистическими снарядами мажков, путей. Наемник что-то шепнул ему на ухо, и они разошлись.

— Прикажете накормить товар?

Торговец глянул на клетки

— Мне не нравится твой взгляд — обратился он к Йому, — словно исподлобья, без толики покорности и уважения... Высечь его, остальных — накормить.

Йом едва успел осознать сказанное, как клетка распахнулась. Тут то он и дал волю рукам. Метка сработала, по жилам заструилась сила. Йом молниеносно швырнул на наемника соседа по камере, и вынырнул из клетки. Проскальзывая под ногами, выхватил с бедра нападавшего нож. Уклоня-

ясь от удара, подставил соединяющую наручники веревку и, освободив руки, метнул его в носителя белого плаща, однако тот без проблем отразил нож мечом. Но Йом не растерялся, и метка сработала снова. Наемники заматерились, протирая покрасневшие глаза, словно туда попал песок. Они жмурились словно от яркого солнца, но атаковали. Йом уклонился от атаки справа, хватая за кисть нападавшего, вывернул ему руку, и прикрылся телом, поднимая меч, но его сразил удар, прошедший по груди. Касательный — пошла кровь. Наемник в белом плаще словно не ощутил эффекта метки, и ударил из верхнего положения. Йом едва избежал удара, произвел атаку снизу-вверх, но снова наткнулся на меч. Остальные, обезоруженные, с покрасневшими и полуослепшими глазами делали неуклюжие попытки, которые Йом с легкостью пресекал. Его больше пугал этот белоплащий. Он не имел клейма, но почему-то метка Йома не оказывала на него должного воздействия. Йом парировал удар, ударив по концу меча вниз, и не поднимая оружия ожидал, пока белоплащий поднимет свой меч, чтобы отсечь ему руку, и тот совершил ошибку. Увидав, что Йом открылся, он перекинул меч в правую руку и... едва не лишился кисти левой. Вскричав от боли, он пропустил удар, и, получив подсечку ногой, потерял равновесие. Но действие метки ослабло и вместо решающего удара Йом вынужден был переключиться на нападавших. Подставив лезвие, он отвел удар, пропуская наемника за себя, отразил второй, намереваясь прорваться с гаван-

ни. Третий, четвертый. Пятого столкнул в воду плечом. Шестого забросил в клетку. «Прорвался!». Развернулся, чтобы не получить в спину... «Набежало свиней... Непоротливые балваны». Шорох позади — но его глаза не помнили, чтобы близ корабля остался кто-то еще, потому он не отреагировал, подозревая уловку, и наперся шеей на холодный металл.

— Достаточно — раздался размеренный голос. Йом удивился — «торговец корабля?» Но ему не позволили обернуться, — опусти оружие. Хорошо. На колени.

Йом медлил.

— Что ж, твой шанс упущен. Пусть господин Медвард решит судьбу раба.

— Я не! — не успел он крикнуть, как получил по спине хлыстом. Подоспели просветители. Йома прижали к полу, затем вытянули руки и ноги звездой, расправили пальцы, он сопротивлялся, но, получив пинок с размаху между ног, обмяк. Ему повернули голову направо

— Этой рукой ты осквернил почтенного гражданина — ее следовало бы отсечь, — проговорил просветитель, белые волосы его так и блестели под лучами света, словно их натерли воском. Он легким движением достал нож и отсек Йому два пальца — указательный и большой. Йом вскричал от боли, но просветитель методично ударил его несколько раз лицом об пол, — замолчи, пока не позволено говорить.

— А вы что стояли?! — вскричал белоплащий.

— Хоть он и бастард, возникший в результате совокупле-

ния с какой-то шлюхой, но носит одежды нашего ордена — проговорил тихо Йому просветитель.

Его подняли на ноги

— Воин, теперь из тебя никудышный, но работник что надо. Перевязать и в карцер!

Представитель Медварда с острова Цепей рассказывал по пристани, отдавая приказы.

— Еще сто голов скота. Погрузить на четвертую баржу! Чтобы к приходу господина все было готово!

Рабов согнали вместе с животными на шатающийся и просаживающийся под весом их тел плавучий диск с рубкой в центре, откуда их контролировали вооруженные ружьями стражники. Йом не мог в полной мере осознать дикость происходящего. Диск покачивался как буй под волнами. А на мачте круглой баржи красовался флаг торговой империи.

Белоплащий в слезах посасывал рану, дрожа от страха, когда слуги подносили ему повязку, пропитанную спиртом. Когда Йома провели мимо, тот с ненавистью глянул на него, пообещав, что это не сойдет ему с рук. «Кстати, насчет рук, — подумал Йом, подрагивая и морщась от боли, — повоевать я еще способен». Благо он одинаково орудовал как левой рукой, так и правой. Метка смещала болевой порог, поэтому он на удивление другим, сдержанно переносил перевязку и прижигание, хотя и тут можно было позавидовать протекторам, которые умели вовсе отключать боль.

Получив порцию хлеба из рисовой муки и миску риса с

травянистым напитком, он уселся на земляной пол карцера. Тесные комнатухи из склеенных воедино блоков располагались неподалеку от прибрежной торговой площади. Пока его вели он запомнил маршруты стражи и понемногу обдумывал план побега. На соседей по заточению он уже не обращал внимания совсем. «Такие только охоту отбивают». Из-за заросшего щетиной и волосами лица, пленившие его люди не подозревают об его способностях, что шло на руку. У Йома была особенная метка, отличающаяся слабым внешним контуром, а за пару лет она практически сливалась с темной от рождения кожей.

Попутру Йома отправили возить телегу с камнями для постройки, обвязав его вожжами, и он волок их на себе вместо лошади, а сопровождавший отряд рабов надзиратель посмеивался, периодически опуская кнут на спины тех, кто, как ему казалось, отлынивал от работы или проявлял излишнюю осторожность и лень. Рядом, похныкивая, ковылял высокий и жилистый молодой мужчина с подвязанной к спине корзиной, с такими же корзинами на плечах, удерживаемых конструкцией его костюма, и с мешками в руках. Все его полуобнаженное тело представляло один большой красный след. Он пыхтел, и, кажется, повторял свое имя. Слова были неразборчивы, но Йом умел читать по губам. Хлыст непрерывно отработывал ритм, а надзиратель посвистывал, нанося удары в такт песне. Вот, мужчина упал, удары хлыста участились, и он, как прожженный, поднялся. Вначале на колени, затем

на руки, и встал, продолжая движение.

Жгуты с приделанными к ним вожжами столь плотно обтягивали тело, что Йом не представлял, как освободится от них. Главное, что метка активировалась. Хотя он и исхудал, но ненадолго ее эффекта хватит. Он буквально ощущал, как та сжирала жировые отложения и мышечную массу под кожей, питаясь его телом как кровосос. «Хорошо, что кормили неплохо», — подумал Йом. Он быстро восстановится. На подобный случай в метке припасена еще одна хитрость: он мог контролировать выброс адреналина и ускорять тем самым свою реакцию в необходимый момент, а также отгораживаться от постороннего шума, чтобы без проблем концентрироваться даже посреди каменоломни. Слуховые рецепторы просто отключались либо приглушались, на усмотрение «обладателя» метки. Надзиратель позади поравнялся рядом с ним и сделал подножку. Йом упал, телега едва не наехала на него по инерции, нависнув над спиной. Грязь облепила кожу, лицо, одежду.

— Что-то ты больно увлекся фигурой Сорхира, мне не нравится твой взгляд, — надзиратель поднял его за подбородок, но Йом лишь сплюнул скопившуюся во рту грязь ему в лицо. Тогда надзиратель надавил на затылок, заставляя погрузиться Йома в грязь снова, но он сопротивлялся, а у надзирателя не хватало сил. «Сейчас ты у меня искупаешься, выродок!». Таки они барахтались, пока не подросли остальные. Однако, конвоиры, заметив, что Йом и не пробовал

освободиться, ударили по щеке надзирателя, бросая ругательства на непонятном языке. Его же поставили на ноги и подтолкнули — мол, иди, чего разлегся?

А надзирателя заменили, и, как выяснилось, не в лучшую сторону.

Уже два часа спустя, на обратном пути от побережья к площади, ноги вязли в песке и глине, а спина полыхала огнем. Йом был готов вырвать кнут из рук этого самодовольного подонка, но позади отряд подгоняла стража, о чем он узнал позднее, когда получая очередной удар, перехватил на лету хлыст и дернув на себя, обвязал вокруг шеи надзирателя. Рывок назад, его будто оторвали стальные клещи. Просветитель. «Тут что-то неладное» — проскользило у него в голове, когда он плюхнулся на землю. Просветителя, как и белоплащего на пирсе «не ощущалось» заранее. Вероятно, мозг перегружен после отходняка в корабле. Он подумал отгородиться с помощью метки от происходящего, но пока не время.

— приспособляйся, дружок — сказал просветитель, — не отработаешь норму — попадешь на сеанс ко мне, ты же не хочешь этого, верно?

Йом закивал, хотя на самом деле он с нетерпением ждал этой встречи, особенно, если он пронесет с собой припасенный под камнем поодаль карцера, нож. Но просветитель словно прочитал его мысли, — вот, кстати, забыл отдать, — он протянул руку... с его ножом! Но как?! Он отлучался не

боле, чем на минуту во время смены караула. Его не могли заметить!

Просветитель положил нож в ладонь Йома, как вдруг внезапно одернул:

— Совсем забыл, за нарушение правил ношения оружия среди рабов полагается смерть. Я убью одного из присутствующих, кому не повезет с номером. Бросай кости, — просветитель достал из кармана плаща игральный кубик, — приведите рабов!

— Но это безумие! — возразили надзиратели.

— Вас едва разжаловали из ранга рабов, как вы уже вопите о безумии. Безумие — позволять рабам носить оружие, когда и где им вздумается, без позволения хозяина.

Йом приподнял голову и осмотрелся. Они около надзорной башни, возвышавшейся над кронами деревьев точно гигантский исполин. Или то маяк? Не разглядеть, слишком плотная листва. Сопроводительный «конвой» сжался из-за паузы в передвижении. Йом насчитал семьдесят два человека и восемь стражников, включая двух просветителей и надзирателей. Телеги «распрягли», позволяя рабам прилечь до выяснения причины остановки. Йом заметил, как стражники нервничают. «И что их так потревожило?» — подумал он, и повернув голову налево, за редющей листвой, увидел подножье гор.

— Олейн, что ты опять задумал? — вышел из башни хулящий старик в поношенной накидке, но при мече. «Значит,

вот как тебя зовут» — Йом постарался отложить имя просветителя в памяти, и получил по затылку. В глазах расплылось, руки не слушались, Йом ощущал, как его резко взяли за подбородок

— Ох, я знаю, тебе на них плевать. Но та цепь последствий, которая запустится твоей ошибкой... оставит большой след. И уж поверь, он отбросит очень длинную тень.

Женщина рабыня с корзиной на голове упала взмолившись

— Нет, пощадите его! Прошу, мой брат умственно отстал и болен!

Йом плохо соображал, боль перекатными волнами пульсировала от затылка до висков. В расплывающейся картине он увидел, как у соседней телеги поставили на колени высокорослого мужчину, он мычал, и Йом не понимал, почему тот не просит прощения, а только корчит рот. Но вот, просветитель вновь схватил его за подбородок и направил лицо к своим глазам:

— Ты должен понимать, что все в мире связано причинной связью, цепью действий и их последствий. Иногда малейшая капелька росы меняет все, — проговорил просветитель, он выпрямился и достав меч, поднял его в небо, крича, — за нарушение правил обращения с оружием случайный свидетель приговаривается к смерти! — он устремился к рабу, но женщина кинулась в ноги. Просветитель наотмашь полоснул ей по лицу мечом, а метка под глазом хищно сверк-

нула, стальное лезвие покрылось тонкой стружкой молнии.

— Довольно! — вышел из толпы надзиратель, — ты не видишь, что изувечил одно из сокровищ Медварда? — надзиратель поднял с земли окровавленное ухо, — она предназначалась в качестве наследства, а теперь... Куда годится такое?!

— Хорошо, — процедил сквозь зубы просветитель, — я погорячился. Он подошел к надзирателю... и вонзил нож ему в горло, — Все, кто был здесь! Вы видели, как надзиратель совершил ошибку, наказывая одно из Сокровищ. Я его остановил! Еще вопросы? — он поглядел на подрагивающую девушку, — ты сильна духом, раз не реवेशь при первой возможности. Перевязать ее, и продолжить ход. А это — он поднес смотрителю башни мешочек с монетами, — компенсация за беспокойство.

Смотритель удовлетворенно кивнул и заковылял обратно, к башне, чтобы подать сигнал о необходимости отмыть следы на дороге.

Йому никто не был знаком, и он с полным безразличием глядел на выходки просветителя. Его такое отношение явно не устроило. Он вновь остановил конвой, и вломил кулаком в живот

— Я понял! — он засучил рукава, — вероятно, теперь я выражаюсь на твоём языке. Что же касается твоих новых друзей, — просветитель засветил под дых, — Ты еще не успел с ними обжиться, я прав? Время это исправит. А мы

— он любезно улыбнулся, — еще вернемся к диалогу. Мне понравилось наше общение.

Глава — 2 — Йом

Близились ярмарка, празднества то и дело отмечались пышными свадьбами. По острову запалялись Ожидательные Огни, образуя, если смотреть с гор или неба — пылающую розу. Пламя розы символизировало неугасаемый дух любви и процветания. На геральдических щитах, прибитых к придорожным столбам вырисовывались три дуги-стебля — союзные острова Утренней Дали: Солхейм слева, остров Ветров и в центре — Цветущих Роз. Остров Ветров, именуемый в простонародье Ветровик — не особо жаловали на Цветущих Розах, поскольку он выступал против рабства и эксплуатации нищих слоев населения во всех ее формах. Потому и шатры, предусмотренные для гостей с Ветровика располагались в городе поодаль, ближе к выходным воротам.

Йома перевели из карцера обратно в клетки у пригорода, откуда он наблюдал людские потоки, стягивающиеся к резиденции Медварда. Мускулистые тяжеловозы волочили чаши в город, где повторится такой же пламенный рисунок розы в «миниатюре». Вдоль дорог выстраивались нищие попрошайки, коих пускали близ стен раз в год на время празднества. Те только и успевали что выталкивать друг друга, дабы урвать место в очереди столпотворения, а тех, что послабже, выпихивали из ряда в овраг, откуда они наблюдали, как вместе с высоким обществом, скрывающимся за стенами ускользает

и их надежда на свободу, в случае, если это раб, или на звонкую монету — в случае, если это свободный нищий. Среди знати было принято раздавать милостыню, поэтому нищие так и стремились привлечь их внимание, что было весьма непросто. Нередко кареты с запряженными рабами или паланкины с носильщиками были столь высоки, что оттуда и не разглядеть низкорослых людей, поэтому большая часть награды доставалась крепко сложенным мужчинам или же успевшим смыть грязь и протолкнуться в толпу стройным женщинам, сбрасывающим с себя одежды напоказ. Потому, не обладающий сими достоинствами народ, включая образованных, но низких по касте жителей «цветочного» острова бронировал места у «громил» и «соблазнительниц», дабы иметь хоть какую-то возможность получить «приз».

Нередко князья отдельных островных провинций сразу выкупали особо примечательных девушек или же работников. Более расчетливые, желающие угодить дамам своего сердца разбрасывались деньгами направо и налево, намереваясь выудить у строптиво упершихся в спины носильщиков отцов снисхождения, обещавшего достойное наследство, чем и занимался, например, загорелый юноша в отливающем золотом паланкине, даря направо и налево улыбки и заверения в своей благонадежности в случае победы в выборах. Нескончаемый шум и гам проникал сквозь отгороженное сознание Йома, мешая ему сосредоточиться на восстановлении сил. Он ощущал, как его обзревают свысока, подобно зве-

рушку в клетке, выкидывая словечки «о цене этого аборигена», посмеиваясь над его коротковатыми руками и низкорослостью. Но даже этот шум ни шел ни в какое сравнение с царившим внутренним движением на островах. Отойди чуть дальше в лес — и все стихнет, словно и вовсе не было человека. «Отличное место для упокоения Олейна и всей его собачей своры», — подумал Йом.

Рано смеркалось, сказывалась близость Мерзлых Земель. Эта мысль позволила Йому хотя бы примерно определить, что он где-то в южной части Севергарда. Так что же это за отшиб? Ни технологий, ни городов, одни деревни да масса извергов-садистов, словно их согнали сюда как в «отвальный мир» — подумал Йом. Хотя наползающая покрывалом на остров тень и тишина ночи впечатляла, она одновременно внушала некий страх неизвестности. Рабы с далеких земель так же по-примолкли, вглядываясь в ночное небо, озаряемое непонятными белыми сгустками облаков. На имперских островах постоянно что-то происходило, кто-то куда-то спешил, где-то шумело, скрипело, взрывалось, трещало или заунывно подвывало, но здесь застыло невозмутимое молчание природы. Городские стены растворились во мраке, а дороги и кроны лиственниц обогревали лунные всполохи. И эта молчаливость безветренных гор, деревьев и ручьев, где слышится биение собственных сердец, пробуждало забытое внутри беспокойство. Казалось, вот-вот что-то произойдет, но на небе просто собирался дождь, а вдоль каменной доро-

ги у отвала вдальеке брели носильщики и пастухи со стадами. В нос бил цветочный аромат набухающих роз. Йом поглядел на землю подле решетки — пахло секвойей. Ему был знаком этот запах с детства, когда мать носила его на руках в отчий сад. «Кажется, то было в Горне или Мире» — Йом напряг память, но в голову лезла всякая чушь. Он был единственным выходцем из аристократии в парящих кинжалах, не считая одного из мастеров, но мастера ордена — это не совсем орден, в чем он убедился на примере Неизвестного, чья политика нередко шла в разрез с непосредственными интересами клана. Мать бежала из замка с ним — внебрачным сыном. Как выяснилось, брат лорда Южного Крондира завалялся после попойки в спальню, а поскольку те были близнецами, то она и не отличила его от мужа. Проблемы начались, когда родившийся ребенок не походил на отца, а она узнала, что муж в тот вечер не покидал гостевой залы. Йом же узнал об этом на смертном одре матери, которая настоятельно молила его не заявляться в Крондир. Теперь бы выяснить, там он или нет? По описанию матери, остров походил на него, но горы были недостаточно велики, чтобы скрываться в небе. Да и сама обстановка некоего захолустья, а там то крупные города. Йом посмеялся над своей сообразительностью. У стенки клетки валялись сушеные ветки секвойи. Она и не могла расти в столь засушливом климате. Разве что, где-то в глубине острова. Да и просветителей в Крондире не жаловали, и рабство отменено. Нисходящая плоскость острова

предоставляла глазам вид на залив и мелкие точки — прибрежные скалы, от которых отправились на дно не мало кораблей. С обратной же стороны подъем сглаживался, переходя в множественные плантации и разнородные леса. Легким приятно и легко дышалось. «Уж чего не доставало — так это комфорта» — подумал Йом. Здесь он быстро засыпал, то ли от того, что пахал как лошадь, то ли от того, что расслаблял душистый воздух. На Цепях, Безымянном и Скалах то и дело тебя скручивало от вони, тошнотворных выбросов и затхлой воды. В Темплстере, дела, конечно, обстояли куда лучше. Не дай бог кто-то нарушит расписание выбросов, над городом выстроено Поднебесье, а с ним — никто не хотел иметь проблем. Но здесь он словно впервые ощутил каково оно — дышать. Не прогладывать, с застрявшим комом в горле, химическую смесь, то и рвущуюся из легких с содержимым желудка, а спокойно пропускать в них насыщенную цветочным благоуханием природу. Приступы головокружения проходили, настроение становилось более ровное, омрачаемое лишь появлением надзирателей или просветителей.

Дни сменялись, он пообывыкся и вовсе не чувствовал себя в заточении или, уж не дай бог — в рабстве. Бычье здоровье и без того крепло. Подобной скорости выздоровления он не мог ожидать в душных районах Безымянного. Оно же позволяло отрабатывать дневную норму без особых усилий. Они возили в повозках от морского порта меж горных хребтов до пригородов шпалы, бетонные смеси и какой-то плав-

ленный металл в чанах, из которого, как он услышал однажды, готовили сваи для Поднебесья. Их переводили из района в район, и так у него постепенно складывалось впечатление о размерах городов, масштабах острова, количестве населения и расстановке сил. Его перевели в элитный отряд строителей, другим рабам он времени не уделял, да и здесь, в этом отряде к ним относились с должным снисхождением. Элитным рабочим полагалась отдельная стоянка с жилищами и обособленные места работы.

Он оттачивал навыки, научился плавить и ковать оружие, стал подмастерьем, ему даже давали небольшую ссуду за обучение боевому искусству других рабов, которых потом продавали в качестве господской охраны. На время тренировок их переводили ближе к холмам. Там он и заметил, что на возвышенностях всюду располагались сигнальные башни. Работа велась непрерывно, к вечеру их плотно кормили креветками, оливками, капустой, рисом, запивали кислым компотом. После имперской похлебки с прессованными хлопьями да дорожной травой, перемешанной с хлебом, настоящая еда казалась райским наслаждением. Тут тебе и соль, и сахар, и выжимка из ягод раз в неделю. Лишь бы работал. Трудись — и кормят соответствующе. Метка много сжирала, но в порциях он ограничен не был и ел за двоих, работал за троих, умудряясь при этом набирать мышечную массу и не терять бодрого расположения духа.

Его впечатляла эффективность рабовладельческой систе-

мы, и он всерьез задумался об ложном устройстве мира в Севергарде. Здесь тебе ни мятежей, ни бунтов, ни перебоев в работе, ни голодомора, ни войн. Пусть нет свободы, да и что с того? От нее больше вреда, нежели пользы, к тому же, тот, кто захочет ее добиться, просто поднимается по иерархической лестнице и обретает то, чего желает. Рабы вечно жаловались на минувшую жизнь, Йому же они казались ноющими животными, не желавшими работать. Того же мнения были и другие члены элитного отряда, о чем они и говорили за кружкой браги. Пусть, их не впускали в город, пусть непрерывно стража следила за каждым шагом, но они приобретали полезные качества, которые окажут существенную услугу впредь. «Разве, что комфорта мало», — снова подумал Йом, разваливаясь на жесткой подстилке и устремляя взор на звезды. «А еще здесь видно звездное небо, в существование которого в Севергарде даже и не верят». Да и во что можно верить в стране упадка, кроме как в смерть?

Их уже не сажали в клетки, выделяли глиняные домики и лачуги. Масла от загара. Ему все не терпелось увидеть Медварда собственными глазами. Рабы, что в кандалах остерегали весь их отряд, что докончат они строительство, и «его с товарищами» продадут на первом же лоте с аукциона. «Чего не вякнешь от зависти» — пробормотал Слепец, ставший Йому верным другом. Он всюду волочился за ним, повторял его движения, был моложе почти на семь лет, и исполнял безукоризненно все личные поручения.

Как бы пародируя Йому он не обладал наигранностью чувств или желанием привлечь внимание. Он был превосходным учеником и моментально овладевал неизвестным ремеслом. Порой Йома шокировало как быстро тот усваивал приемы ведения боя и фехтование. Занимались им они, естественно, вдалеке от чужих глаз и ушей, часто в перерывах между обучением иных «новобранцев». Да и на лицо он был красавец, загорелый мускулистый, подтянутый, широкоплечий, с ангельски-красивым голосом, так очаровывавшим девушек. У Слепца был каллиграфический почерк, и вообще, для своих лет он был невероятно грамотен. Он нередко читал стихи о пылающих розах, как именовали в его доме — Лучезарном Холме молоденьких женщин. Лучезарный Холм находился неподалеку от Империи Солнца. Роскошное вино, теплый, вечно солнечный остров, откуда Слепец считал, что был родом и обязан своим телом именно Богу-символу Солнцу. Он вспоминал свою молодую невесту, которая по обычаю его острова непременно ждет, и будет ждать. И его бросало в краску, когда соплеменники из отряда говорили «небось она уже балуется иными предметами пред его картиной».

После трудодня, они уселись на деревянную подстилку. В домике было прохладно, и струящийся пот постепенно сошел на нет, вернув аппетит. Помимо подстилок и вещей в домике было пробито окно, куда Йом часто глядел по ночам, перекидываясь в карты со Слепцом. За особые успехи

на поприще «возведения града небесного», им предоставили двухместное сооружение. По сути, большую часть работы выполнял Йом, умело прикидывающийся уставшим, когда надобно, но страже об этом было неизвестно, а метка позволяла ему имитировать эмоции.

Слепец оглядывал свои пожитки, сваленные в углу, пока не изъял из-под горстей грязных вещей обернутую в тоненький шелк картину. В Лучезарном Холме было принято на начало свадьбы каждому жениху и невесте рисовать портреты, чтобы запечатлеть юность, что называется «на века».

— Все хранишь эту безделушку? — спросил Йом.

— Она для меня многое значит, — Слепец осторожно протер полотно от пыли, — ты когда-нибудь любил?

— К чему пустые вопросы? Подлей-ка мне лучше выпивки.

В такие минуты беспечность Йома внушала Слепцу невиданное спокойствие, и даже появление просветителя, казалось, не смогло бы его нарушить. Однако, за воротами огороженной территории скрипнула запираемая снаружи калитка, и они мигом попрятали все следы отдыха, выстроившись подле глиняной постройки и лоя на грудь удары хлыста. Обычно наносили от трех до четырех, но сейчас Надзиратель был чем-то недоволен и всучил Йому целых восемь. Затем, когда тот упал, плюнул ему на окровавленную спину и сказал, чтобы не расслаблялись. «Близится великое празднество и вы — презренные рабы, призваны участвовать в его

свершении». Йом поднял от земли лицо и... Хлыст прошелся еще раз, обжигая лоб. Он ахнул, Слепец бросился к нему, но надзиратель хлестнул по воздуху, предупреждая его о нарушении дисциплины.

Когда Йом собрался с силами, то открыв глаза заметил, что видит только левым.

— Сучий выродок, — крихтя, он поднялся, но, пошатнувшись, упал.

Подоспел Скиталец

— У тебя бровь рассечена, тебя нужно перевязать.

— Обожди, пока он уйдет — прошептал Йом, хватая его за рубаху, но тот вырвался и бросился к высокому частоколу ворот.

— Лекаря! Срочно! — он надрывал голос, крича в тишине, но никто не отзывался, и никак не выходило отпереть дверь или перелезть наружу. Они словно в камере без потолка! Слепец придумал, как отпереть замок. Их оградили вокруг возводимых опор для сваи Поднебесья, между забором валялись железные инструменты и кирки. Если как-то продеть их в дверной проем, то получится сделать рычаг. Он рванулся к наваленным лесам древесины, но Йом оторвал его руками.

— Но тебя захлестали, едва не до смерти!

— Таков тут порядок — или ты или тебя, — он вытер грязным рукавом лоб и повел Слепец под руку в домик, — затем попросил его сдать веко и что-то шептал. То, что

Слепец увидел дальше — запомнилось ему на всю жизнь. Его заросшее волосами и щетиной лицо издало шипение, а рана сплавилась, образуя на месте рассечения ожог.

— Ты... Ты! Кто? — он отстранился, упав на зад, и попятившись, уперся в стену.

— Фокусник — усмехнулся Йом, — то, что ты видел не должен узнать никто, понимаешь?

Слепец робко кивнул. Он считал его чуть ли не полубогом за невероятную выносливость, но увиденное поражало — он умел затягивать раны. Неужели он колдун? Или приспешник князя тьмы? — от сей мысли сердце Слепца обуял ужас, но Йом как ни в чем не бывало достал миску, линул туда выпивки, разбавив рисом и опустошил, задирая над лицом. Он пригляделся — Йом не источал едва заметную серую ауру, как то гласили книжки.

Наутро глаз затек и опухло веко. Слепец полез было с компрессом к его лицу, но он перехватил его руку

— Сам справлюсь.

«Не хватало того, чтобы он увидел клеймо» — подумал Йом. Благо, стричься налысо не призывали, ходи как тебе вздумается — главное исполняй работу надлежащим образом. Настроение улучшалось, вместе с самочувствием. Сегодня они возводили подпорки для сваи. Их присоединили к элитной бригаде. Заправлял уже знакомый Йому Хейм — сотоварищ с корабля. Стража совершала обходы по периметру до обеда, после чего поодевала им кожаные наручники и

заперев в бывший загон для скота, отправилась подыскивать себе будущее место на празднике господина Медварда.

— Тут то нам самое и место, да?! — вскричал один из рабов. Его только недавно перевели из разряда свободных.

— Счастливчик — ответил ему Хейм, обтирая кисти маслом, чтобы не так натирало кожу, — могли отправить на имперские рудники по контракту с Севергардом, а ты еще жив и дышишь.

— К черту такую жизнь! Меня высекли как щенка за то, что я не уступил дорогу какому-то подхалиму. Приехал на праздник, называется!

На ухо Йому шепнули:

— Вроде как, за фальшивомонетничество.

— На Цветущих Розах садят за то, чем сами же промышляют? Забавные ребята, — рассмеялся он громко.

За месяц Йом освоился, другие рабы изрядно потрепали страже нервы, а он всегда как огурчик — готов служить и идти на всевозможные уступки без демонстрации и уничижительных мольб. Полный сил и бодрости. Ему часто грозили при переходе с одной стоянки, где вбивалась свая на другую, по большей части будущие рабы приисков: «когда сваи достроятся — кончится твоя лафа, пойдешь в общую яму». Йом же подсмеивался над их угрозами. Он не находил причин для волнений покуда поблизости не обнаруживался прожектор или надзиратель, а у них, по сведениям из иных групп: «дел по горло, заняты организацией представлений и

поисками музыкантов, танцовщиц и прочей бесполезности», потому то рабами и занималась исключительно дворцовая стража Фольтрона, безукоризненно исполнявшая поручения коменданта. Им не резонно было пытаться рабов, ведь после завершения построек их собственники могли затребовать у города компенсацию за причиненный имуществу ущерб.

Подгонять — подгоняли. Конкретно его — редко. Порядки сего острова вновь казались достаточно интересными. Торговец куда-то запропастился, приставать к ним — не приставали, форма элитных рабочих давала некоторые привилегии, а так как она не отличалась внешне от униформы свободных, подавшихся в строительство, то и относились соответственно. Йом часто пользовался сим моментом и проникал в лагеря ремесленников неподалеку, где выискивал мастерские и набивал карманы серебром, проводя искусную резку сувениров и полировку драгоценных камней. Вопросы ремесленники не задавали — работал за треть цены свободного, приходил и уходил ночью, когда большая часть караула дремлет, ни разу его не ловили, одна прибыль, да и руки — хоть себе забирай. Он даже открыл счет в банке, пусть и с сомнительной репутацией. Оказавшись раз в темнице за драку, когда Йома посадили на воду и овес, он без ущерба для здоровья отсыпался. Его желудок не испытывая трудностей, переваривал овес, и он снова набирался сил. Без метки бы он загнулся, но Йом этого не замечал, поскольку они стали с ней одним целым еще в детстве, когда экзекутор,

выполняя приговор, дважды всадил в лоб клеймо, посчитав, что одного недостаточно для сына шлюхи. Ему часто снился сей кошмар, он не помнил обстановки. Помнил лишь лицо исполнителя и устрашающе шипящий стальной стержень, да мольбы матери...

«Но прошлое — осталось в прошлом». Йом довольный, поднялся на ноги, ощутив вязкость в коленях. «Перебрал ночью» — подумал он, когда мимо прошагала шеренга стражников, любопытствующе поглядывая на него. Йом сделал вид, что передыхал, отер лоб, на котором автоматически проступил пот, и, заваливаясь на бок, уперся в бетонный блок, затем, обвязал его ремнями, упаковывая как подарок, и взвалил на рельсовую телегу.

— Смотри нам, не отлынивай — прозвучал строгий голос из шеренги, но удовлетворенные его усилиями, они миновали Йома, привлеченные скандалом у палаток дальше. Кто-то неаккуратно нанес золотую окантовку на колонну. Поодаль Слепец восхищенно глядел на труд друга

— Ты же их обманул! — прошептал он с восторгом, — а как натурально сыграть! Ты в прошлом актер?

— И не только. О, это целое искусство — Йома забавляла реакция друга. Слепец знал некоторые его «трюки», и этот Йом проделывал уже ни раз. Прохлаждался в тенишке, а затем, имитируя страдания и усталость, он мог так же создавать на лице маску страдания, метка позволяла ему отыгрывать всевозможные эмоции. «Разве что кожа морщинки набирает»

— отшучивался он. «Делаешь вот такую физиономию» — лицо его моментально искривлялось маской отчаяния, — и дрыхнешь! — противоположная эмоция. — Все верят, что ты с ног сбиваешься, а нет!

— Вы можете меня научить?

— Это не волшебство, мальчик. Это дар. Ему не учат, с ним рождаются.

— То есть мне никогда не светит...

Йом улыбнулся

— Все зависит от твоей усердности, перенеси-ка те блоки — проговорил он, а сам развалился на досках, попивая из припрятанного меха брагу.

Сердце напряжено жаждало свободы, но пока не подвернется момент он будет паинькой, а там... Смысл сбегать обратно в империю? Осядет где-нибудь в горах, заведет себе слуг. Отловит их у местных, отобьет имущество — и жизнь удалась. Уж он не пропадет. «Там моя земля — мои порядки».

Внезапно в лагерь строителей заявился торговец. Даже в полдневный зной он носился в накидке, скрывающей голову. Его сопровождала группа наемников, тут же подоспел архитектор в просторной фиолетовой мантии с сосудом, полным вина

— Возьмите чарку, лучшее, какое найти на Утренних Островах!

— А, извольте! — торговец отмахнулся, — как продвига-

ется постройка?

— Опорные конструкции завершены наполовину, рабочие... я хотел сказать эти наемники весьма грубо обходятся с моим персоналом. Мы доканчиваем возведение арок, и установили первый вращательный механизм, на котором будет основана ось Поднебесья...

— Избавь меня от ненужных деталей! Главное завершите в установленный срок.

— Но... — не успел он возразить, как перед носом был заточенный нож с инициалами СХ.

— Или им я отрежу вам уши и выколю глаза. Выстроите товар. Хочу осмотреть его на пригодность.

Раздался горн, звук его разнесся по всем лагерям, проникая в уши сквозь тысячи скрипов и вздохов трудяг. Подоспели отряды городского гарнизона, на рабочих одели массивные кандалы и завели в отдельно выстроенный для публичных смотров просторный холм, окруженный частоколом и башнями по углам. Йом следовал за товарищами, перекидываясь взглядами с Слепцом и Хеймом. Те, что помоложе ликовали — их могут выкупить и они покинут остров зверя, прежде чем Медвард запустит праздничное представление. А постарше — угрюмо волочились, зная, как иноземцы относятся к обладателям рабских клейм. Где-то застопорились. Сразу объявились надзиратели, загуляли хлысты, тропка обогрилась кровью, надзиратели лупили без надзора и для острастки, потому доставалось и невинным. Хейм, споткнув-

шись, упал. Йом заметил, как другой раб сделал ему подножку. Йом поспешил помочь товарищу, но вокруг кисти обвился кнут, задирающий руку и опрокинувший его на пыльную дорогу. По животу прошлась чья-то нога, подошел стражник, пнул его, помог встать. А Хейм... Его запинывали и запинывали за то, что он «вынуждает ожидать господина и всевластителя ваших судеб своей несносной выходкой».

Йом хотел нанести ответный удар, но оглядевшись на десятки вооруженных бердышами и копьями гарнизонных, едва сдержал гнев, и упершись глазами в землю, следовал за остальными. Рабов поодиночке заводили в «загон» (так его именовали господа), где им пришивался к коже номерной знак. Йом терпеливо переносил процедуру, сжимая зубы. За пропускным пунктом следовали шеренги бойцов — эти то уже звери, они постоянно имели стычки с взбунтовавшимися рабами, потому и меры были суровы — за ослушание отсечение пальцев, ушей, за вторичное — конечностей, за третью провинность — смерть, причем выбиралась она путем жребия и скорость — на усмотрение «судьи». Но Йом не знал об этом, его маршрут «лагерь строителей — лагерь ремесленников» тем и ограничивался.

Внутренняя структура загона представляла собой поделенные на прямоугольники поля, разделенные друг от друга и от стен вкопанными в землю металлическими стволами, в которые вбивались направленные в разные стороны колья — мера против взбунтовавшихся рабов. Общий поток делили

на части и распределяли по прямоугольным, из которых был только один выход, но он охранялся копейщиками. При попытках восстания людей просто отесняли, рубя сопротивляющихся, а последние выжившие сами «наползали» на колья, стремясь избежать ударов копий. После чего их оставляли умирать в запертом загоне.

Подгоняемые наконечниками, рабы распределились по площадкам.

— Я все же, сполосну горло — проговорил торговец, сбрасывая капюшон.

Ему тут же наполнили серебряную чарку с бриллиантовой каймой. Он, проглотив несколько глотков, вылил остатки на землю, наблюдая за мучимыми жаждой рабами, и, поправив воротник, обратился к ним, воздымая руки в сторону проекта Поднебесья:

— Добро пожаловать на Гору Вершения! Здесь определится ваше временное пристанище перед великолепным будущим! — торговец снова отпил вина, причмокивая тоненькими губами, — подведите ко мне самых сильных и красивых на индивидуальный смотр.

Долго длилась процедура. Пара стражников подходила к выстроенным в ряды рабам, указывала пальцем на человека или проговаривала номер, и затем его под руки вели к торговцу, который осматривал, ошупывал и оценивал раба, вынося вердикт об его дальнейшем месте пребывания.

Было тихо и скучно, ужасно хотелось пить, но котел рас-

полагался в противоположной части загона, откуда и доно-сился приятный запах варившегося риса. Йом насчитал не менее сорока бойцов и десятков копейщиков у входа. Конечно, рабы были в численном преимуществе, но не в текущем их состоянии. Клонило в сон, душный аромат роз обволакивал, будоража ноздри. Казалось, боль в спине утихала под этим невероятно приятным запахом. Кое где клубились взметенные ветром лепестки, оседавшие на скошенную траву. Вдруг из-за спины вышел Слепец, провожаемый стражниками до торговца. Йом весь напрягся, чувствуя, как натянулись мышцы, готовые к скачку.

— Какой красавец! — проговорил восхищенно торговец, он даже отдал держать надзирателю чарку с недопитым вином, — поглядите на эти идеальные пропорции лица — он провел ладонью по щеке, — а рост и силища. Вот это мышцы! Впрочем, туда, куда я полагаю тебя направить, они не пригодятся. Говорят, ты владеешь письменностью и у тебя прекрасный голос. Спой нам!

Скиталец собирался открыть рот, но торговец положил пальцы на его губы

— Лучше очаруешь нас на аукционе. Могу предположить, что грубоват и басист, как и положено мужчине, но это поправимо...

В загон прошла орда цирюльников с приспособлениями для оттирания грязи и ножницами.

— Привести в презентабельный вид! Вы, отбросы обще-

ства и недоноски получите право, видите! Я говорю о праве! О том, чего рабы господовы не имеют права заявлять, вы! Обладаете правом быть проданными!

Йом побледнел, но торговец, мимоходом увидев его в первом ряду, произнес: «Карликов оставить! Так они хоть выглядят устрашающе. Может, цену назначат поприличнее». Торговец был выше Йома всего на треть головы, но не преминул высказать беспечное оскорбление.

Группы бледнолицых рабов, едва сошедших с кораблей, затащили в загон ведра с пенящейся водой, Йому же мыться не полагалось, хотя кожа его адски чесалась после многочасового стояния на жаре. Подошел худосочный надзиратель и хлестнул его по спине, указывая на первый установленный стержень:

— Следуй туда, бугай.

Йом бы врезал ему как следует, но бойцы словно почувствовали нарастающую агрессию и уложили его на лопатки, натянув кандалы. Его выволокли за предел загона и втокнули в клетку, установленную на повозку. Он огляделся через плечо — запряжена пара лошадей, но каких-то странных... Ощущение, словно от их ноздрей разносился теплый пар.

Подкатали остальные повозки с клетками, коней распрягли и больше он их не видал. Развалившись на набросанных мешках с зерном, он поглядывал на цепь бродяг за пологими холмами, взбиравшихся по отвесным ступенькам, выбитым

в горах. Послышались окрики, зазвенели хлысты. Из загона потекли рабы, распределяемые по повозкам. Йом внимательно следил за выходящими, надеясь увидеть своих друзей. И ему повезло, Хейма и Слепца направили к его клетке.

Стража в стальных шлемах и плотно сшитых кожаных дублетах протолкнула их и еще троих внутрь.

— Почуешь на перинах? — усмехнулся Хейм. Он так называл всякие мягкие подстилки, так как после дерева и сухой затвердевшей земли всякое покажется периной.

Йом пододвинулся, пуская друзей на мешки.

— И как их мозги еще не сплавились в этих канистрах на голове? — поглядел Слепец на удаляющиеся фигуры.

— Ничего, скоро ваша лафа кончится — проговорил усевшийся рядом полноватый мужичок, опоясанный презрительным флагом — так называли порванные портянки, которыми вначале хлестали по голове упавших во время перевозки телег рабов, а затем обвязывали живот, дабы все видели по избитой физиономии чего ждет ленивцев.

— Если освобожу мешок, желчи поубавишь? Или так и брызжет? — спросил Йом.

— Пошел ты!

Стража немедленно откликнулась на повышенный тон, приближаясь к повозке. Они выехали в строгой последовательности по направлению к городу. Йом не видел его изнутри, но зрелище обещало быть захватывающим, о чем он незамедлительно поделился с соседями.

— Зрелище там только одно — это ты — влез в разговор сидящий у опоясанного испещренный шрамами смуглолицый мужчина. Глаза, налитые кровью, с нескрываемой злобой оглядывали Йома и его друзей.

— Думаешь, справился бы со мной? Один на один?

Смуглолицый схаркнул ему на ноги

— Порежу как свиночку.

Хейм придержал Йома за локоть, кивнув головой налево. И точно — смотровая вышка с арбалетчиками.

Наконец, звук колес сменился на барабанную дробь. Каменная кладка — значит город уже близко. Повозка вырвалась с колеи на пригородную дорогу. По бокам раскрывались дома из песчаника с широкими навесами, под которыми раскладывали множество товаров на сбыт. За ними пустующие конюшни. Нет, он определенно видел пар из ноздрей! Но где же кони? На клетку навалилась тень — двухслойные ворота из опускающейся решетки и бревен, а там... Заурчал живот — пряности, запахи жасмина, перемешивающиеся с жареным мясом, и варящейся рыбой, приправленной чем-то чрезвычайно ароматным и приятным. Безмерные толпы на широченных улицах, низенькие домишки с мелькающими среди них отдельными башнями, украшенные растянутыми до середины своего размера и выющимися на ветру гобеленами.

— Пахнет Торговой Империей. Похоже на Сонтейв — сказал Хейм.

— Это она и есть, — ответил смуглолицый, — потому вы и навеки рабы.

Дети тыкали на повозки пальцами, что-то щебеча, а на развилке, обтекающей аллею фонтанов, тянущуюся вплоть до дворца, скопились жители, обсуждая непонятную многим диковину: из земли, уносясь в небо и обгоняя своей высотой самые крупные башни протягивалась объемистая свая с сечением, напоминающим резьбу у гвоздей. А подле нее весь перекресток был занят массивным плоским диском с вкраплениями причудливой формы, изогнутыми столбиками и ободом, достигающим толщины двух метров. Охраняли его наемники и просветитель, снявший белоснежный плащ, но тем не менее, не расстающийся с ним и таскающий в руке, точно сокровище. Но в большей степени Йома впечатлили купола, подобных строений он не видывал никогда.

— Храм поклонения Ветру — проговорил Слепец, когда Йом так и впился глазами в золотой купол, из которого подымались, обвивая, тонкие золотые стебли, сплетаясь над куполом в монолитный ствол, с раскидистой кроной, покрывающей целую площадь.

— Древо роскоши.

— Оно...

— Из его лепестков отжимают золотую пыльцу, так что по сути это растущая драгоценность. У нас им обмазывались жрецы перед песнопениями.

Далее шли ухоженные цветочные сады, обрамлявшие до-

ма знати, вдоль желтеющих стен стояли корзины с душистыми травами, ближе к дворцу от фонтанов расходились канальцы к рядам скамей — здесь, на улице, под ступенями ожидали приема правителя. Повозка повернула налево, отдаляясь от роскошной палитры к скромным серым постройкам, сокрытым за небольшими изгородями. Тут и привычная нищета, хотя и преобладал порядок. Улицы регулярно подметались, вывозился мусор, естественно, за счет рабов. Для Йома это было в диковинку. На Безымянном все сваливалось в кучу, и каждый проем точно приспособлен для хранения хлама или отходов. Сам город оставлял смешанное впечатление, по меркам Йома, это даже не город — а крупное поселение.

Когда их привезли на участок, где проводится аукцион, они заметили, что город находился на пологом холме. Напротив въезда, за невысокими парапетами виднелась бухта, к которой шла бетонная дорога, огороженная с обеих сторон камнем. До городской стены дорога проходила сквозь три проходных пункта, вкопанных в землю подобно бункерам, виляя меж возвышенностей и низменностей. Вероятно, когда-то остров подвергался осаде с моря. Сам аукцион состоял из помоста и, позади него, трех, стоящих по соседству, крытых сцен, где располагались трибуны для аукционеров и ложи для покупателей. Менее состоятельный слой населения усаживался на скамьи перед помостом, а те, что «поглазеть» выстраивались сзади. Между помостом и скамьями выводили-

ли по десять рабов на оценку, затем по одному подводили к помосту, откуда каждый мог поглазеть и осмотреть его, а владельцы лож имели право оценить товар, как говорится — руками.

Участок отделялся от иных частей города лоджиями, в глубине коих меж колонн размещались статуи наиболее прекрасных девушек-рабынь и лучших победителей арены мужчин-воинов. Единственная вещь, которая неслабо смущала — виселица подле входа и мешок с тухлыми яблоками у ее основания. Чуть поодаль, около лоджий стояли три палатки.

Йома и остальных вывели, строя у парапетов, чтобы на случай бунта — сбросить с обрыва. Там же ряды перил, к коим присоединяли цепями кандалы. Да такие низкие, что рабы вынуждены были сгибать спины. На аукцион собирался люд. Слепец видел, как хозяева хватали за волосы рабынь и волочили к скамьям. «Я никогда не вел так себя с женой», — он еще не осознал в полной мере рабства, поскольку все его заточение длилось немногим боле сезона.

— Знаешь, — шепнул ему Йом, — я задаюсь вопросом, почему тебя зовут Слепцом?

Он лучезарно улыбнулся, обнажая ровные как по линейке зубы.

— Дело в том, что я выиграл жену на весенних игрищах, победителю полагалось провести ее до шатра. До этого я видал ее раз на балконе и влюбился. Дрался же и ловил девушек с завязанными глазами на слух.

Ну и перепутал.

— То есть?

— Это ты так ей потом сказал? — спросил Хейм.

— Они одинаково были одеты!

— Чем не повод... — продолжал он невозмутимо.

Йом на всякий случай огляделся — стража занималась проверкой документов у посетителей.

— Я был сзади! Она вела.

— То есть ты шел за девушкой и даже не удосужился посмотреть на ее лицо? — спросил Йом.

Тут влез и Хейм

— Догадываюсь, куда он смотрел.

У Йома возникла неприятная ассоциация, и он прекратил расспросы.

— А чего мы ждем? — спросил беловолосый седой старик.

— Открытия карнавала Медвардом, — проговорил смуглолицый, который ехал рядом с Йомом, — видишь ту качалку? — указал он на виселицу. Старик кивнул. — Так вот, дед, тебе понравится, — добавил тот ухмыляясь.

Йом было полез ему вцепить кулаком, но ощутил, как холодная сталь коснулась бедра. Он не видел, откуда тянется рука, но благоразумно не стал оборачиваться. Когда прихажане расселись на лавках, заправитель аукциона в розовой мантии прошелся к рабам. Он подманил пальцем Йома и приказал подоспевшему цирюльнику сбрить лишние воло-

сы и наскоро омыть ему голову, поскольку «нынешние гости выразили желание не приглашать обезьян». Он ворочался, не позволяя срезать волосы у лба, иначе бы открылось пусть и малозаметное, но клеймо. Две рабыни принесли чашу, куда его мокнули головой и затем, расчесав волосы отправили обратно в строй. То же проделали и с Хеймом, обстригая тому любимейшие бакенбарды.

Занесли паланкины, и оттуда, кланяясь толпе сошли те, ради кого по сути и проводилось данное мероприятие. Заправитель аукциона легкой походкой взошел на гладко тесанный помост, где уже сидел счетовод за П-образной трибуной. На сцену поднялся герольд и протрубил в рожок.

— Уважаемые дамы и господа представляю вашему стопочтенному взору восемнадцатый аукцион, организованный благой милостию нашего законного государя Медварда второго, нареченного Вознесенным! Да сбудется его пророчество и вознесется он в Поднебесье!

На земле быстро расстелили ковры, куда и вышли приглашенные танцовщицы, «дабы гости не заскучали».

Повторно протрубили, объявляя аукцион открытым. Далее по накатанной:

герольд объявлял имя раба, раб подходил к постаменту, где счетовод записывал его имя, после чего выкрикивал начальную ставку.

А аукционер расхаживал вокруг выходящих рабов, расхваливая их достоинства и тыча в тела тростью.

Пошла первая десятка. Рабов выставляли на обозрение, аукционер только и успевал комментировать, попутно прошагивая мимо постамента, где ему подавали бокал вина, дабы не пересохло горло. Аукционистов поприбавилось, молоток то и дело стучал — «продано!» А из толпы рабов раздавался крик — «зверюга!», сразу же наказывающийся хлыстом. В общем, ничего нового Йом не заметил, и, заскучав, сосредоточился на мыслях, приглушая звуки внешнего мира. Так продолжалось до тех пор, пока он не услышал шшшшканье рабов. Йом поднял глаза... а затем увидел ее — Тень. В полуразодранной повязке, растрепанные волосы, расцарапанная грудь. Подошел торговец, разорвал ей подол платья, обнажая бедро: «Оцените!» — прокричал он, под возбужденные возгласы.

Под одобрительный гул он повертел ее кругом, а та даже и не сопротивлялась! Где же гневный блеск в глазах?! Где воля?! Хейм мимолетно глянул на Йома, трогая локтем того за запястье — мол, ты чего побледнел? Творилась какая-то чертовщина. «Она не могла здесь оказаться!» — думал Йом. Может, ему мерещится? Он проморгался, но Тень никуда не пропадала, а произнесший ее имя аукционер разбил все надежды.

Когда среди толпы она заметила Йома, то взгляд ее принял виноватый вид.

Так что же там было такое, на Цепях?! — попытался он вспомнить, но не мог, память словно схлопнулась на том

момента. Он было закричал, но обходящий рабов торговец предусмотрительно засунул в рот кляп:

— Твоя подружка? Хороша! Она просто восхитительна!

— торговец оторвался от Йома, сбросил капюшон и прокричал, — ставлю три сотни бошек сраного императора!

Никто не захотел перебивать ставку.

— Глупец, — сказал ему с ложи полнощекий в зеленом плаще, — эта баба не стоит и десятой той суммы. «Прекрасное приобретение!» — прокомментировал лот №124 герольд. А довольный собой торговец взял Тень под руку и повел, как бы случайно, по направлению к Йому

— Она тебе дорога? Из-за тебя, подлец, у меня возникли проблемы с господином Медвардом, потому мы пошалим с ней сегодня. Она мне дорого досталась, пора отрабатывать долг!

— Фто ы ей... — Йом рычал, пытаясь выплюнуть кляп.

— Ну, как себя чувствуешь? Тебя нагнули и отобрали девчонку, а ты — бессильная мошка, в которой закипает злость. — торговец рассмеялся и пошел прочь, — докончите без меня.

Он повел ее в палатку неподалеку. То ли что-то было не так, но Йом слышал стоны, тихие крики боли и лязганья, исходящие изнутри.

Йом дергал цепь, пытаясь разорвать звенья. Хейм и сосед не могли его успокоить, однако это удалось стражнику, когда Йом отвлек внимание ближайших господ на скамье, тот вса-

дил ему в бедро копьё. Из-за большого количества разнообразных песен, звучных танцев и буйных обсуждений рабов, происшествия мало кто заметил. Йом утих, прижимая ладонью рану и погружаясь во внутреннее сосредоточение, но не удавалось.

Он все время думал, как же это связано — ее вина, и вода, водоворот. Он точно помнил, что шел за ней по доброй воле, а дале все смешалось в смазанную точку. Но потрясения на этом не закончились. Очередь дошла и до Слепца. Тот улыбнулся другу, и в спокойном расположении духа последовал за девятерыми рабами. Ему приказали снять халат и сбросить набедренную повязку. Затем дворянин, поставивший наибольшую цену, подошел и бесцеремонно ощупал его мошонку, утвердительно кивая

— Меня устраивает голос. Он отлично впишется в хор евнухов. Да-а-а! Кастрация исправит мелкие недочеты. Он лишится наследия, зато станет обладателем особенной роли и будет выделяться из толпы.

Погруженный в себя, Йом ничего не услышал, но отчетливо увидел, как к его другу приближался человек с серпом. Улыбающаяся маска закрывала его лицо. И кто придумал подобный рисунок?

Йом представил свое тело, перенаправляющее энергию в руки и расслабился, предаваясь переводу жировых отложений под кожей в мышцы.

Резкий рывок, и цепь разорвалась, а он перескакнув через

голову стоящего впереди раба, набросился со спины на аукционера, и использовав кандалы как петлю, сломал шею. Посетители охнули, бойцы устремились к Йому, но пороняли оружие, хватаясь за глаза. Изменило ситуацию копье, метнутое наугад. Оно прошло по боку Йома, и он, потерявши концентрацию, упустил заветные секунды, что и привело его к краху. Несмотря на отчаянное сопротивление, его задавили числом. С тяжелыми кандалами на руках он отмахивался мечом, отвечая на непрестанные выпады, но рабы из его ряда не пришли на помощь, хотя надломленные перила позволяли им выбраться. Они просто наблюдали за тем, как их товарища оттягивают к обрыву. Неудачную атаку первой волны стражников подменили щитоносцы, и Йом вовсе обессилел. Яростные удары отскакивали от башенных щитов. Они сомкнулись стеной и теснили Йома к парапету. Заметив, что кандалы увеличивают силу удара, Йом внезапно перешел из отступления в нападение, буквально опрокидывая одного щитоносца за другим. А за маленькой битвой, не слезая со скамей наблюдали зрители, хлопая в ладоши. Наконец, руки его опустились, и он уже не имел сил их поднять. Щитоносцы встали как вкопанные, ожидая приказа. Едва не валясь с ног, он услышал звучные хлопки ладоней

— Bravo! — сказал торговец, успевший выбраться из палатки, — гражданам понравилась забава, но пора кончать! Представьте его под ясные очи государя!

Йома приволокли к центральной сцене, но Медварда сре-

ди присутствующих не оказалось, тогда его хотели было вернуть обратно в ряды рабов, предварительно отхлестав и отрезав пальцы, но неожиданно прозвучал тихий и властный голос:

— Как зовут этого раба? — высокий беловолосый мужчина в плаще лорда сошел со сцены. Йом ощутил запах секвойи, — так вот куда тебя упрятали. Давно он на острове?

Счетовод спешно перелистывал именные, аукционист бросился отыскивать свидетельства его прибытия, но лорд остановил их, подняв руку

— Это не важно, ему полагалось получить свободу в качестве работника по закону Поднебесья? Как там: все, участвующие в строительстве вправе рассчитывать на выкуп души? Что ж, душу то он вправе выкупить, а тело останется с нами. Продать обратно в рабство, да так, чтобы пожестче, — он показательно сжал кулак.

— Хороший батрак! — прокричал аукционист про Йома, а что означал сжатый кулак он узнал чуточку позже.

Стражники надели на голову стальной колпак похожий на ведро и забили битами по нему, пока тот не потерял сознание, а из ушей не хлынула кровь.

Меж тем, серп сверкнул и Слепец, с подкосившимися ногами, закричал, двое громил взяли его под руки, а аукционист стукнул молотком «продано!», записав Слепца в писарей и певчих.

— А теперь, после того как мы насладились демонстраци-

ей первобытной силы, поведаю вам трагичную историю любви прекрасного певца — Слепца! — пропел герольд. Принесли картину, где изображена обнаженная молодая девушка с венком из цветов. — Он воспылал любовью к этой даме, но суждено погибнуть в темной яме! Так было до тех пор, пока наш господин, не показал Слепцу, что был он не один! С того золотого дня минуты вдохновенья открыли струны в нем и радость песнопенья! Прозрел Слепец и стал... Певцом! Он имя поменял! Возрадуемся ж мы его преображенью! Не желать Певцу иного положенья!

Народ зааплодировал. Из толпы вылезла знатная женщина:

— Хочу его себе! Как это прекрасно! Картины!

Глава — 3 —

Амалия тихонько коснулась плеча Неизвестного

— Мы так и пробегаем по островам?

Он не разговаривал с ней с тех пор, как они покинули остров Цепей. Он вообще стал молчалив и хмур после череды тамошних происшествий. «Ворчливее старика» — прописал ему диагноз один из членов экипажа, когда они повстречали проплывающий мимо почтовый корабль.

— А ты хочешь остановиться? Было бы где.

— Мама говорила, что, убегая, мы предаем себя.

— Мудрая женщина.

В тумане морской глади проблеснул скользкий свет. Маяк, значит остров неподалеку. Желтоватый огонек Стагмина озарял палубу. Он не раз их выручал, когда корабль дрейфовал, сбиваясь с курса. Хотя и дал ныне небольшую осечку. По показаниям компаса Неизвестного, они немного отклонились от намеченного маршрута. Он взобрался на покатуую крышу кабинки и подошел к мачте. Погладил стагмин — тот издал звук, похожий на шепот морских волн — успокаивает. Амалия любила его и, при ясной погоде, снимала с мачты, к которой он присасывался ворсинками, и обнимала, а он грел ее в ответ. Она называла его солнцем.

Неизвестного беспокоило то, что Стагмин не ощутил подводного вихря, едва не затянувшего их в бездну накануне.

«Видать и ты устаешь» — подумал он, поглаживая теплую и приятную на ощупь «кожицу». Как шерсть. Туман потихоньку рассеивался, постепенно обнажая бескрайнюю даль. Ржаво-красный силуэт маяка в круговую разбрасывал свет. Острова еще не видать. «Маяки вместо звезд... Так неровен час — и потеряться можно». Когда-то он верил сказкам об их влиянии на разум, но миф давно рухнул, хоть и застрял в сознании некоторых людей, и доселе воспринимавших «отклоняющееся» от заведенного поведение, как «проверку на прочность» и «верность родной стране». Главное то, как Барданору удалось внушить сию абсурдную мысль? Будто твои побуждения и вовсе не твои. Будто чувства обманчивы, а разум — ошибочен, если он полагает правдивым то, что не соответствует государевой воле.

Мимо проскользил раскуроченный подводным вихрем корпус танкера. «Его двигатели обладали достаточной мощностью, чтобы вырваться из плена, но корпус не выдержал напряжения и разорвался» — подумал Неизвестный, глядя на то, как он то погружаясь, то выныривая из-под воды, дымел из захлебывающегося дымохода. Подплывать к такому было опасно, потому они посторонились, меняя подводное течение на более удаленное.

Внешне смена подводных течений заметна только в кристально чистой воде. Тогда можно разглядеть, как под морской гладью словно проходят туннели, или, скорее движущиеся «трещины» как на льду, утягивающие все, что не попадая

в бездну. В особо сильных потоках противиться маленьким судешкам и вовсе бессмысленно. Разве что отдельные типы танкеров, барж, тягачей да Странников могли сопротивляться воле океана. Неизвестный не раз слышал о том, как угонивший в стихийный поток быстроходный Волнорез, швыряло о скалы, пока тот не утонет. А чего стоили истории о целых кладбищах кораблей!

— Я чувствую ее зов, — проговорил он.

— Чей?

— Метки, она... как бы манит меня исполнить предназначение.

— Неизвестный, ты в порядке? — озабоченно поглядела на него Амалия, а он не находил слов, чтобы подобрать внутреннее ощущение, рвущееся наружу. Образ конечной цели — Остермола — маячил на границе его сознания.

Вдалеке обрисовывалось основание острова, а справа от него горизонт делила черная полоса, улетающая в невидимую даль океана. Неизвестный попросил подать ему подзорную трубу, и, пригляделся: мост!

— Что там? — спросила Амалия, и он передал ей трубу.

Видно плохо, но она разглядела бортики, о которые с силой бились пенящиеся волны, захлестывая поверхность водой.

— Вероятно, он соединяет остров Скал и Темплстер. Но не вижу, чтобы его кто-то пересекал, он словно...

— Зброшен?

Чем ближе они подплывали к острову, тем более спертым и удушливым становился воздух, в нем парили частички пепла, сушило нос и щипало глаза.

Турбинные двигатели позволяли развивать высокую скорость, а из-за особенностей их строения, корабль не задирал нос вверх, а плыл ровно, потому приостровные волны из разных подводных потоков, хаотично сцепляющиеся друг с другом подобно диким животным, не мешали сближению с островом. Классические корабли вымерли после потопа, они были неприспособлены к причаливанию и открытому плаванию в буйных водах, так как изменившиеся условия не позволяли преодолевать даже мимолетные водяные вихри. Поэтому и началось строительство турбинных машин.

Неизвестный снова поднес к глазам подзорную трубу. Весь остров походил на выпирающий действующий вулкан, пронизанный сетью туннелей. Маленькие фигурки шныряли по ним как по игровому полю настольной игры. Затвердевшие вулканические породы на фоне пламенеющего алого заката, иссеченного пеплом. Неизвестный поглядел на карту в руке — по идее, в жерле угасшего вулкана возведен город. Во внутренних стенках скалы вырублены ступени, соединяющие кольца-уровни города, и чем ниже — тем более эти кольца выпирали краешками из предыдущих, пока не доходили до дна — замерзшего озера. «На Острове Скал должно быть тепло», — подумал Неизвестный, пряча за дыхательной маской глаза.

Горизонт прояснился, а водные тропы слабели.

Вот он Остров Скал. Его архитектор — Эльвин Мудрый, обосновал проект города в жерле вулкана тем, что он — единственно надежное укрытие от ненасытных бурь. Кто же знал, что он завязывал себе карьеру. Пытливо выскребывал трудом местных бедолаг базальтовую породу и грязевые массы дабы докопаться до золотого песка и железной руды. Трубы, пронизывающие стены вулкана, под напором подавали разжижители на вкрапления минералов, отмывая их от примесей, а выкипающие кислотные пары выбрасывались с отдельных вышек, образуя газовое облако. Выбросы убивали даже мимолетных птиц, вздумавших сократить перелет через неблагоприятные земли скрежета железа и всполохов пламени

— Это оно? — спросила Амалия, сжавшись на дне лодки.

Ноющую язву на теле земли представлял он. Вскрывшийся нарыв, изливающийся соком крови. Место раскола, соединяющее лед и пламя.

— Да. Это и есть земная преисподня.

Облако гнетущей жары заволокло их катер в свои сети. Над Островом Скал постоянно висел смог. Он не рассасывался ветром, черное пятно — единственное определение, подходящее для него. Красная скала, источающая жар и черное пятно...

Жерло недействующего вулкана огибали двойные, черные как сажа стены. Издали Остров Скал напоминал Вавилон-

скую башню, вшитую в скалу. У подножья Скалы строились и теснились рядом, одни за другими каменные дома. Рассыпавшиеся лестницы, ведущие к жерлу, давно истерлись и сливались со скалой. Само жерло напоминало разорвавшуюся трубу. Оно было столь же широким, как и «корень» из-за того, что находившийся внутри город нуждался в свете. С внутренней стороны огибающих жерло стен, вырисовывались врезанные в посеревший камень, парапеты с факелами и арбалетчиками. Вместо крутых лестничных пролетов на башню поднимались в ящиках, обитых железом. Их крепили тросами к вершине стены, и поднимали поодиночке. Как снаружи, так и внутри вулкан охватывала спиралевидная дорога с пропускными пунктами. Иной путь, проходил через подземелья. Вначале сплошной спуск вниз. Потом равномерный и кривообразный подъем наверх. Там и работали все заключенные. Как знал Неизвестный, на Скалах было отменено рабство. Обычно, сюда отсылали всех приступивших порог закона, в той или иной степени. Времени на судебные разбирательства не хватало, проблему как всегда решили одним щедрым махом, согнав недовольных в рудники.

Курирующие патрули на мостах пропустили их судно в маленькую бухту. Они не привлекли особого внимания. Даже старый пес у свалившейся крыши под утесом не стал лаять, только лениво повернул слепую морду, принялся, и положил обратно на лапы. Кроме них в бухте стояло свыше десятка судов, однако если приглядеться, то у каждого мож-

но найти тот или иной след течи. Вытянув ладонью вверх руку Неизвестный почувствовал влажность. Медленно и уверенно приближалась зима. Как ее переживут не имеющие кров над головой?

Высокогорная дорога терялась в соседствующем со скалой отроге, на котором рос ячмень, а за перевалом виднелся маяк.

Маневренный катер Неизвестного подплыл к водным постам. К темноте на острове планировала задержаться флотилия разнородных кораблей. От шлюпок с ворованным мясом до крейсеров и галер, поджидающих место на причале. На пути к острову располагались водяные мельницы на небольших платформах с выдвигаемыми прожекторами, разгорающимися ярче после полного оборота колеса. Это были первые пропускные пункты, между которых находились ворота. Периодически открывались створки в приостровную цепочку каналов—дорог. Происходило это только после полной проверки экипажа. Водные посты стыковались тонкими мостами, а у водных станций, принимающих грузовые танкера, ждали сигнала чрезвычайные отряды. Во избежание прорывов и инцидентов, на водных постах в вышках размещались рычаги и рупоры. Опустись рычаг, и ток воды прекращался, открывались задвижки турбин охлаждения острова, и каналы пустели, давая осесть кораблям на мель. Не нападешь и не убежишь. Сеть каналов намеренно располагалась над подводным котлованом. Случись что, и противник как на ладо-

ни.

Впереди скопились множественные очереди. Корабль Неизвестного зажали — спереди танкер-мусоровоз, а сзади — и по сторонам — баржи да Странники.

— Еще этой вони не хватало — поморщился он, и тут задул ветер. Из грузового отсека одного из танкеров понесло бумажные клочки. Неизвестный поймал пролетающий лист. Страница газеты. Амалия наклонилась, заглядывая через плечо. Оглавление — Сводки империи. Остров (имя затерто) объявил войну, на Коргоре открыт фестиваль городов, крупнейший банк Сонтейва обанкротился, великий аукцион стартовал успешно и прибыль покрыла все расходы, превысив семнадцатый запуск в десять раз. Магистр просветителей пообещал объявить имя своей избранницы, командуящий имперской гвардии и почетного караула объявляет второй набор открытым, призыв на службу отсрочивается по причине явки императора на Совет Мира и торжественной церемонии, «продается остров, рабы прилагаются», а в Торговой Империи процветает мошенничество и ростовщичество, наживающееся на страданиях людей. «Сколько воя о событиях и проблемах на дальних землях, о которых, небось, народ только и знает из подобных газетушек, и практически ни слова об островах Севергарда — подумал Неизвестный, глядя на карикатурное изображение Сонтейва — пухлая копилка-свиноматка лопается, а из трещин сыплются деньги. Он повернул страницу: обрывок текста — найдены тайные

записи... И ниже велась дискуссия о приемлемости изображения свиньи. По мнению анонимного писателя из Остермола оно двусмысленно, отсюда возникает вопрос — не является ли автор карикатуры саботажником или подкупленным шпионом?

Неизвестный вздохнул. Он и поныне сталкивался с тем, как жители островов с яростью бросались обсуждать все, что о НЕ-Севергарде, да и вообще что угодно, лишь бы ненароком не промелькнуло тихое — «а у нас?» Подобное не то чтобы воспрещалось, скорее — возбранялось. И чем ближе от «тухлых окраин» (как выражались имперские жители) к центру, тем сильнее ощущалось это непонятное Неизвестному влияние. По пути на остров Скал они останавливались у Маяковой Стоянки — Хардона — развалин бывшей высокогорной башни, переоборудованной под нефтяную вышку, чтобы пополнить запасы, где он и наслушался сих бесед. Хотя особой необходимости и не было, по большей части его интересовала информация, кою он и выуживал с помощью своего «дара» от клейма. Ему не удалось постичь принцип ее действия, но метка работала, и оппоненты выбалтывали все полезное против воли. Так он узнал, что корабль с «деташками Амалии» проходил там, опережая их на неделю, а также завел полезное знакомство с капитаном одного транспортника. Он пока не думал на кой оно ему, но не видел причин отказываться от дополнительного союзника в будущем.

Звонкий гудок — Неизвестный быстро спустился в ка-

бину и потянул рычаг, сбавляя скорость. Из-за воспоминаний едва не прозевал застопорившийся танкер. Корабль проскользил по инерции, после чего Неизвестный сбросил якорь — пробка. Морская пробка — это было столь непривычно, наблюдать неисчислимое количество людей, вывалившихся на палубы по сторонам и галдящих обо всем на свете. Амалия залюбовалась на наряды, развешанные у проходящей по левому борту низкопалубной баржи. «Традиция! Еще здесь создайте пробку, мудаки, — донесся голос капитана Скорохода, — в ответ, не сбавляя тон другой капитан суденышка перешел на ругань, и, чтобы не слышать их гонора, на одной из барж запустили двигатель. Неизвестный поглядел на то, как хихикающая Амалия, оперевшись на локотки и подпирая голову, наблюдала за расхаживающими по плоской палубе торговцами. Они неспешно привязывали к столбам концы веревочных лестниц, забрасываемыми с лодок покупателями. Притащили раскладывающиеся палатки. За считанные минуты на голом палубнике образовался базар.

— Хочешь поглядеть? — спросил Неизвестный.

— А можно?

Он поворошил карманы плаща, вынимая мешочек с монетами, и бросил ей, — Ты заслужила, только не долго!

— Как же я туда доберусь? — озадаченно спросила она.

— Доверишься мне? — улыбнулся Неизвестный. Амалия ответила улыбкой, тогда он спустился в машинный отсек, и чуть позже вылез оттуда с раздвижной лестницей, переки-

нув ее на палубу капитану позади, он взял Амалию за руку и провел над водой. Когда они перелезли через фальшборт, Неизвестный заплатил капитану «за стыковку», беря с того обещание о том, что он заранее предупредит его гудком, когда пробка рассосется, и, воспользовавшись подъемным крапом, погруженные в контейнер, были перенесены на соседнюю палубу торгового парома. Амалия пробежала вперед. «Давно не стриглась», — подумал он, замечая, как волосы на полуоблегающем комбинезоне опустились ниже лопаток.

На дощатом настиле, покрытом лаком собралось множество купцов и людей. Каких только сословий не видал Неизвестный: и расхаживающие в шелках и бархате члены гильдии торговцев, и цеховые ремесленники, заручающиеся ссудами на проживание, и горожане Темплстера, посещающие остров Скал как диковинку-экскурсию и охающие при каждом «пейзаже», и странствующие наемники в кожаных дублетах и плащах, готовые продать свой труд всякому, кто предложит должную сумму.

Пока Амалия бегала от прилавка к прилавку, он оглядывал пробку. Плывучие платформы торговали провиантом, рейсовые катера «гоняли» меж крупных барж, предлагая свои услуги по перевозке пассажиров и багажа вне очереди. Шныряли патрульные катера, проверяющие у кораблей пропуска или разрешения на разовый въезд. Неизвестный не беспокоился — его корабль проходил по габаритам беспешинного входа. Далее, ближе к острову, справа, лодочные

причалы и утлые лодочки, до краев набитые товарами: тут вам и кашемир с сукном, и алмазная руда с выкованными из Алкогора амулетами, и поддельные документы, и даже персики и виноград в герметичных банках.

Неизвестный глянул на сомнительного рода товар, к нему сзади тут же положили руку в карман, тихо шепча на ухо какой паспорт нужен — Скал или Темплстера? За второй, как выяснилось, тройная плата. Он поблагодарил торговца, отстраняясь от прилавка. Не хватало, чтобы его обобрали, пока он бродит по рынку. А толпа была знатная — еле проглядишь, где кончается торговая площадка и начинается нос судна.

Вдруг ему бросилось в глаза мимолетное голубоватое свечение в руках девочки-дворянки, одетой в поношенную шубку-платье с отваливающимся воротником. «То ли, что я думаю?» — Неизвестный задумал приобрести кое-что Амалии, направившись к ребенку.

— Сколько просишь? — спросил он у нее, — я не враг — прибавил он, заметив ее испуг.

— Сто серебряков.

— Большая цена.

— Простите, — она спрятала комок в руках, — но это все что у нас есть, отец разорился и семье не хватает на пропитание.

Он бросил ей мешочек

— Пересчитаешь, когда отойдешь, но никому не показы-

вай!

Когда она испуганно отдала ему тепленький и мохнатый шарик, он ушел. А та, развернув кулек, бросилась догонять — он отдал две сотни! Неизвестный активировал плащ тейней, и принялся искать Амалию. Потоки бородатых и заросших мужиков бороздили прилавки с самоделом. Ружья, кривоватые арбалетные болты, перешитый из разнородных тряпок ширпотреб, кирки, стальные дыхательные маски, и прочая мелочь. Иногда платформу покачивало на волнах, и мелкий товар с треском разбивался. Но Амалия была дальше. «Что ей дело до милых блестящих побрякушек? Заключенных подавай!» — подумал с негодованием Неизвестный, но тут же успокоил себя — она же не видела тюрем. Трое в черно-зеленой рабочей униформе окружили девушку, Неизвестный схватился за рукоять меча, но те, наученные замечать резкие движения отошли

— Остынь, дед, детишек не трогаем.

— Амалия, тебе не стоит здесь находиться, пойдём, — он ласково потянул ее прочь, но та вложила сидящему за столиком монету, получая взамен вырезанный из дерева амулет

— Можжевельник, а вдохни — чуешь? Как в лесах!

Неизвестному и самому стало интересно, да и разносящийся подле усевшихся на перевернутые ведра запах, непривычно будоражил ноздри, но он сделал голос строже, и девушка послушалась.

— Девчонка просто увлеклась живописью, — проговори-

ли ему вслед, Неизвестный пригрозил кулаком.

— Они не совершили ничего плохого.

— Кто-то просил не оставлять себя одну. Исполняю обещание.

Они подошли к краюшку платформы и Неизвестный уселся, свесив ноги. Амалия со страхом глянула вниз — на воду, но он взял ее за ладонь, и она присела рядом.

Пробка тянулась вдоль горизонта, а с противоположной стороны острова, из-за веерообразного вулкана, проскальзывало красно-оранжевое зарево, разметавшееся по серым облакам. Амалия тихонько вздохнула, поглаживая зажатый амулет. Поднесла к носу — протяжно вдыхая, и закрывая глаза. Неизвестный рассеянно поглядел на нее, погруженный в созерцание нескончаемых кораблей.

В основном, торговля велась поодаль курсирующих крупногабаритных барж, где протоки были более узки и течения не вымывали мелкие судёшки с побережья. Но находились и смельчаки, приближавшиеся на баркасах прямиком к корпусам барж. Они перебрасывали веревки, крепившиеся корабельными матросами за кнехты, и получая квитанции, пускали тех на баркас за грузом. Накрытые пленками мясо, рыбу сомнительного качества да тушеные овощи. Лодками рулили и женщины, орудуя веслом. Были и здания наплаву, с крытыми террасами — морскими стоянками, к которым причаливали торговцы. Здесь же запасались консервами, пометками на картах об изменившихся маршрутах и подвод-

ных течениях, продавали отметины с редкими «плодоносными тропами» — наиболее выгодными и менее затратными путями. Крупные суда нанимали бригады Путеводителей, те, что помельче — одного или двух, поскольку их услуги стоили крайне дорого, а оплатить проложенный безопасный маршрут стоило не малых денег. Обменивались и новостями «с империи», по стоянкам развозила вести морская почта. Плавали и челноки с громкоговорителями, оповещавшие о продвижении очереди.

Вообще, по словам прогуливающих мимо людей, проживание у границ острова Скал куда приятнее, чем в «жерле», хоть и немного опаснее. В случае наводнений многие постройки затапливало вместе с жителями.

Амалию потянуло заглянуть на одну из таких трехэтажных стоянок, где за столиками с видом на покатый берег прохлаждались владельцы судов.

Сама морская стоянка опиралась на четыре сваи и крайне походила на нефтяную платформу, только ближе к воде и с обзором на опасное, но от этого не менее манящее море. Там они и узнали о Путеводителях. Так же им сказали, что до берега его корабль не пропустят поэтому потребуется пересадка. Естественно, сразу же нашлись лица, готовые оказать перевозку за пару монет. Неизвестный с улыбкой отказался, выводя девушку к лодкам, где, уплатив переправу, их доставили обратно на корабль.

— Оставим корабль у какой-нибудь стоянки ближе к вы-

ходу в море и подалее от очередей. Наверняка, имеется пристань для мелких судов. Кстати, погляди-ка, — он снял с шара полотняной мешок.

— Что это? — поглядела Амалия на причудливо переливающийся северным сиянием клубок.

— Световой Камень, прикоснись к нему — пусть он запомнит тебя в моих руках и примет как друга, иначе испугается и померкнет.

Световые Камни отличались привязанностью, и в чужих руках умирали, теряя связь с их владельцем. Как выражался мастер Эйхарт, первооткрыватель Световых Камней: «Вот она — природа любви, сердце из камня ведающее о чувствах боле тех, что бьется». Его часто упрекали за излишнюю сентиментальность, а он с юмором отвечал: «мы как день и ночь, без дня — не взойдут побег, а без ночи — не заняться любовью».

Амалия с любопытством осмотрела греющий холодные пальцы шарик, — «он такой мягкий!» Удостоверившись, что подарок ей понравился, Неизвестный оставил ее в каюте, а сам отправился подыскивать место для стоянки.

Глава — 4 — Барданор

— Когда-то я любил ее, — произнес Барданор, почесывая отросшую бороду напротив кристально чистого окна, и от того накладывающего на панораму Нижнего Города Остермола его отражение. С остермольской колокольни открывался превосходный доступ к наблюдению за всем происходящим. У Барданора было несколько детей, но явным фаворитом отца выступал маленький сын. Когда император брал ребенка на руки, тот любил дергать или играть с длинной бородой, и смеялся, наблюдая за реакцией отца. И, хотя, бывало больновато — Барданор постоянно говорил, что тот вырастет настоящим мужчиной.

Последующие события произошли крайне смутно. Играющее в прятки сознание подбрасывало ему раскаленные угли из воспоминаний. Любимого ребенка унесла чума, пролезшая через нищих в Остермол, после чего Барданор приказал повесить каждого второго и сжечь трупы, а остальных выпроводить за городские стены «на волю стихии», где нескончаемые ветра и приливы уничтожали их жилища. Мотивировал он это решение ликвидацией чумы, что, отчасти было верно, чем и заслужил благодарность народа, и спасение своего шаткого положения. «Оппозиционеры потерпели крах, благодетель милостивейшего государя спасла столицу империи от смуты» — такую надпись выгравировали на централь-

ном вокзале Нижнего Города, в Верхнем же — просто открещивались, поговаривая «Боги не позволят нам сгинуть вместе с чернью!». После этого он сбрил бороду, чтобы навсегда забыть о... он забыл о чем. Про жену император вспоминал и того реже, хотя ревность, рвущая в клочья сердце не слабла. Она ему изменяла! Когда он впервые узнал об этом, его перекосило от ярости: «молчи, женщина!» — кажется, он замахнулся на нее сервизным ножом. Ему запомнились и ее слова. «И дался тебе этот беспризорник! Он же сын нищенки-шлюхи и бесславного сословия!». «Ты сам виноват! Сам вычеркнул меня из статуса жены!» «И почему тебя раздражает тот, кого ты ни разу не видела?». «Ты уделяешь подонку время, положенное семье!».

«Она довела его», — подумал Барданор. Он схватился за скипетр и всучил ей по лицу, она падала, хватаясь за щеку, но с молчаливым упрямством. Он видел скатившуюся слезу — душа так и норовила выкрикнуть — «извинись, разрыдайся и тебя ждет пощада!» Но, она стиснула зубы, а Барданор, успокоившись добавил: «Скажешь завтра служанкам, что тебе нездоровится, усекла?». «Эта дура не унималась!» — вспоминал Барданор не замечая, как сжал руками стол. «Какой ты пример подаешь детям и своему народу... тебе все сходит с рук, потому что психованный мальчик — император. Но, это ненадолго, уже стул под тобой трещит, еще пять лет назад ты не тряся за свое положение, как старый импотент — со своим членом». Он медленно закипал, а по-

следняя фраза стала роковой — парой минут ранее, он, пыхтя, едва поднялся с кровати. Тогда Барданор снова вломил ей: «Добавки захотелось? Организуем! А пока — с глаз моих долой! Откуда ж ты, гадюка, выродилась!», — когда он кончил с криками, оказалось, что та, отстраняясь от удара, стукнулась затылком о шипы подсвечника. «Вот и уделал жену, — подумал Барданор, — все равно стерильная бестолочь! Не могла принести мне сына!». Он остыл, а, через месяц — завел новую. Барданор утешал себя тем, что после рождения первого ребенка, погибшего от чумы, его любимца, Маниэль стала бесплодной, потому на ночь он часто приговаривал: «И что она тебе дала? Ни имени, ни наследника, ни приданого!» Но и новой жене не суждено было долго радовать очи государя. Слабая здоровьем, она как-то простудилась, пока они катались на дирижабле, облетая страну, и скоропостижно скончалась, оставив трех дочерей. Младшая, наиболее похожая на мать, была слишком к ней привязана, и узнав о смерти матушки, убилась, выпав из окна. Как он горевал по этому поводу! Как убивался слезами! «Вероятно, то от нехватки заботы», — думал ныне Барданор. С тех пор он подыскал себе иную особу, обладавшую примечательной фамильной историей, тихой как сон и послушной как мул. С ее отцом он оформил купчую на рождение наследника. До тех пор девушка являлась почтенным гостем при дворе. Барданор не заключал брак из политических соображений, поскольку союзники лежали у ног, а враги империи оставались

непримиримы.

«А еще...», — его мысли перескользнули из памяти о женщинах к собственной персоне — после того срыва у него заскакал голос. То громкий, то резко тихий, грубоватый, с хрипотцой. Барданора раздражало подобное изменение, он считал себя выше «каких-то эмоциональных дрызг простолюдинов».

Недавно, его — императора! Выперли с Фекса — острова над Горном и Крондиром в нейтральных водах. Почти что выставили за дверь! Уж он оплатит им! «Здания Мирового Совета были построены на средства Остермола и Рокмейнселла. А потом, его просто не пустили сойти с корабля, так как какой-то конюх в шапке сказал, что его имени не было в списке приглашенных! В Треклятом списке гостей не оказалось императора!» — Барданор с бешенством смахнул со стола письма, заливая их чернилами. «Что ж — их проблемы», — поглядел он на промокающие бумаги с прошениями. Тогда он пригрозил тому чурбану: «да я распну тебя и твою семью, ты! Животное!» А тот учтиво ответил: «Простите, сэр, но в доступе вам отказано». Император многократно пожалел, что не привез с собой небольшую армию. Один недовольный жест, поднятая бровь — и все на острове получили бы такой урок, который запомнится как выжившим, так и их потомкам на сто поколений. Но, обратившийся на ухо гвардеец прошептал: «Ваше величество, нам лучше вернуться на палубу, — а когда император заколебался, тот прибавил, —

для вашей же безопасности». И правда: толпящиеся у плато с волнистыми ступенями горожане яростно выпаливали проклятия «за убиенных на рудниках мужей и сыновей». Сейчас Барданор вернулся в Остермол и готовил отказавшему в приеме острову «подарок». Когда же известие о том, как выпроводили императора разошлось по землям, посыпались прошения «образумиться» и «недоразумениях». Консьержа обещали выпроводить с земель, но что за мелочность — капля в море!

— Они называют это — образумиться. Образумиться — значит, стерпеть оскорбления, нанесенные царской особе, — Барданор поглядел на верного ему до гроба капитана гвардии, — ты как считаешь, недоразумение позабыть о свершившимся надругательстве?!

— Непростительно, — ответил он в такт.

— Рад слышать, ты умнее моего брата. Пост лорда-защитника ныне излишне его тяготит, передай ему, что моя армия пройдет катком по наглицам. С ним... или без него.

Затем в кабинет к императору заглянул придворный писарь и хранитель чеканного двора, набросавшие приблизительные расходы, в кои обернется уничтожение острова. Император велел провести сборы и развязать войну, выступая под флагом торговой империи, а захваченные корабли переокрасить. Коли они рискнули тягаться с ним, то пусть ощутят весь «вкус» поражения. Прибывшего же дипломата, ожидающего приема в Нижнем Городе, он передал на потеху про-

светителям после того, как из подслушанных разговоров ему доложили, что остров Фекс уже принес извинения, требовал снятия блокады Пролива Талых Вод, отделяющего его от большей части империи, кроме, разве что Крондира и Рокмейнселла, а также обеления репутации, «поскольку мы — нейтральный остров, не присягающий на подданство. Вышла досадная ошибка — кою признает правительство Фекса и потому предоставляет право беспошлинно размещать корабли в его водах». Барданор скомкал замаранное кровью послание:

— Эти сучата заседают в моем дворце! Я его построил! Он быстро кончился? — спросил Барданор, — вызовите просветителей, занимавшихся делом посла, если гаденыш откинулся раньше времени...

Когда в обитый красным деревом кабинет вошел магистр просветителей, Барданор велел их оставить

— Полагаю, ваше решение не останется незамеченным, — проговорил магистр, глядя вслед удаляющимся слугам.

— Я вызвал тебя не за поучениями, меня интересуют пограничные земли.

— Скоро ушей столицы достигнет известие о бунте на острове Цепей, в народе пойдут волнения, из-за долгов на Темплстере долгое время не уплачиваются заработные платы, господин Мэльфорт просит предоставление ссуды на погашение займов, а Остров Скал переполнен от наплыва торговцев. Там не разберешь, проникло ли влияние или нет,

слишком много голосов, не слышать эха.

— Откуда вообще явился мятеж? Почему мне становится известно о нем только, когда Верховный Канцлер самолично заявляется на порог!

— Посылать отряды усмирителей опасно, водяные вихри в последний месяц непредсказуемы.

— Предлагаешь оставить подонков безнаказанными? — Барданор покраснел, а на шее заходила жилка, что и заметил магистр ордена мигом, сложивший руки в примирительном жесте:

— Я лишь объясняю, что расходы... не покроют выгод. На пограничье у императора плохая репутация, не надо усугублять положение.

«И ты, змея, заговорил о положении?» — проскочило у Барданора в голове, — История решит, кто по ту сторону баррикад — проговорил он зловеще.

Столь мелкое событие выбило его из колеи, а виной всему — как подозревал император — его телесный недуг. Будь он здоровее и крепче, ситуация бы в корне изменилась. А пока... он терзался мрачными предчувствиями, реагировал на любую тень, задерживающуюся как в углах, так и на лицах людей. «Еще надобно разобраться с братом пока тот чего не наворотил. Ох уж эти семейные узы» — подумал Барданор, накидывая на плечи красный халат из тонкого атласа, драпированного бриллиантовыми пуговицами.

Стеклянные стены дворцового сада, открывающие взор

на Нижний Город, пропускали холодный ветер — лето близилось к завершению, а с ним — и набегали холода. Ступенчатый город сливался с рябящим океаном. За отдельными домами с рифлеными крышами и световыми стенами, чистоплотными улицами и вразвалочку прогуливающимися прохожими, где завершался Верхний Город, торчали трубы Нижнего. Они выбрасывали горячий газ, но, из-за конструктивных особенностей Остермола, он не затрагивал Верхнего города. По бокам располагались прямоугольные башни, от которых шли под уклоном мосты, соединявшие Верхний Город с Нижним. Получалось так, что вершины встречных башен Нижнего Города совпадали с уровнем асфальта Верхнего. Между ними, под соединительными мостами, бушевали мощнейшие волны, штурмующие камень. Там же нередко проскакивали киты. Потому у подножий скал, где завершалась канализация, были вырублены бойницы для их отстрела и отлова. Мощный глубоководный поток стягивал морских обитателей, не давая им права плыть по своей воле. Поэтому основной массив кораблей причаливал у проходных врат Нижнего Города, а отдельная пристань Верхнего, на которой располагались резонансные столбы, сдерживающие волны, принимала лишь особых гостей.

Император поппикал на шею одеколоном из розмарина, откладывая бутылки во внутренний карман халата. В империи было принято все иметь при себе, потому и каждый тип одежды предусматривал многочисленные карманы и тайни-

ки, от жилетки до плаща лорда. Нередко последние таскали с собой всевозможные виды противоядий, изготавливаемых ими саморучно, потому что нередко в отравлении участвовали собственные подданные, утомленные изнурительным трудом и голодомором. Он поднял завалившийся на полу свиток. «Цены на зерно падают», — подумал Барданор довольно. Блокада Фекса снизила его сбыт, и город вынужден был сбивать наценку, что шло только на руку империи — стирать остров с лица земли — слишком дорогостоящее предприятие, которое аукнется в будущем, когда придет зима, и те немногочисленные фермы с пшеничными полями накроет снег. «Надо распорядиться отправить через месяц — другой, баржи. Несмотря на вражду, они уступят. Ради собственного выживания, а там и рукой подать до принятия подданства».

Промеж рассаженных по горшкам кустарников, вздымающихся к потолку, инкрустированному перламутром и яшмой, располагалась ниша. Прямиком по центру. Внутри стоял монумент.

Барданор грузной походкой направился через залу. Женское изваяние, выныривающее из моря с ловчей сетью вместо головы, поднимающуюся и ниспадающую под острым углом. На сети «висели» случайно застрявшие, согнанные под ветром предметы. Как говорилось в древних писаниях — эти вещи — события, из которых складывается судьба. У длинных ног ее, прикрытых обтягивающим платьем, валялись та-

релки, чашки, кости и скелеты — те, что она не отловила. Религию Ветра не особо жаловали в Империи, потому и бога-символа Ловчую — относили к варварским обрядам. Барданору же просто понравилась фигура девушки, от того он и заказал ее у известного мастера. Иногда император подолгу разглядывал изваяние, трогал изгибы, а вместо ловчей сети переставлял голову женщины, лежавшую в шкатулке у ног статуи. Он не знал — то ли поклонялся судьбе, то ли насмехался над ней, поскольку в эти моменты лицом его овладевала презрительная улыбка. Меж тем, вылезала и ржавая хворь, влияющая на разум. Император полагал, что, когда найдется отчищенный иридий — он обретет спасение. До тех пор лишь во дворце Рокмейнселла, среди твердого камня, он ощущал себя оплотом силы и господства.

Ржавая хворь проявлялась целым рядом убийственных симптомов. Большинство из них императору удавалось избегать. Кроме одного... Когда через поры на поверхность кожи выбрасывался гнилистый налет, твердеющий со временем и обволакивающий тело подобно маслу, организм начинал задыхаться. Тело как бы становилось тепловым инкубатором. Налет нагревался и наносил сильнейшие ожоги, если вовремя его не размягчить и содрать. Бронзовый цвет блестел подобно металлу, что придавало человеку вид какой-то ожившей статуи. Обычно, Барданор при первых признаках налета и покраснения вен — перебирался в ароматные ванны,

где смесь из десятка растворов ликвидировала последствия «прогрева» и размягчала кожу. После он имел обыкновение прохаживаться по дворцу, чтобы восстановить нарушенное кровообращение.

Дале шел внутренний балкон с балюстрадой, откуда можно было разглядеть вход в дворец снизу. Четверка гвардейцев в парадной форме охраняла ворота. Остальная часть придворной стражи курсировала в парах по по левому и правому крылу, проверяя гостевые покои на наличие зазевавшихся посетителей или незарегистрированных посетителей. Там же, если глядеть налево простирался нижний тронный зал, где шелковый балдахин с вставками из аметистов закрывал сверху трон из слоновой кости. «Его следовало поменять» — подумал Барданор, мастера обещали произвести работу за неделю. За окном раздался гудок — приехала карета. Накануне рельсы проложили вплоть до дворца, соединяя чеканный двор и торговую палату. Из кареты вышла прислуга, несущая контейнеры и сундуки, чтобы перенести их в дворцовое хранилище, а руководил всем хранитель чеканного двора, раздавая приказания и направляя десятки носильщиков к разным входам. Отлитые монеты с Остермольского двора чеканились ограниченным тиражом и перевозились в специально помеченных для того контейнерах с прорезями внутри, куда их раскладывали или засыпали в зависимости от размера и меновой стоимости. В хранилище золото рассыпалось по чашам, где пересчитывалось, тщатель-

но взвешивалось и рассортировывалось по мешочкам. Барданор вызвал лифт, и, дождавшись, когда кабинка приехала на второй этаж, спустился в парадную, откуда присоединился к занятому пререканиями с гвардейцами хранителю.

— Имеются проблемы? — спросил он у хранителя, гвардейцы без промедления пропустили его вместе со слугами.

— Чем обязан вниманию вашей милости? — поклонился хранитель, и они продолжили следовать за носильщиками, идущими к двери хранилища подле тронного зала.

— Меня беспокоит неравномерность поступления средств в казну. Городу нужен новый водопровод, а Остермол не обладает должным уровнем доходов.

— Император, введение налогов сейчас — во время столкновений с Торговцами — не лучшее время.

— Вы собираетесь мне перечить, хранитель?

— Я лишь взываю избегать неразумности.

— По моему мнению, неразумно перечить и пререкаться с наместником богов на земле. Сколько вам понадобится времени на сбор десяти тысяч иридиумовых слитков?

— В резервах империи не имеется чистого...

— А я говорю о нем? — прерывал его Барданор, ощущая неясную злобу, — Привезите его к зиме, ученые придумали способ запалить и разжечь солнце.

Хранитель сжался от ужаса, но благоразумно промолчал, а когда они вошли в обитое серебром хранилище, заверил императора в своей верности престолу, после чего ему было

позволено удалиться.

Хранилище состояло из главного помещения с купольным потолком и параллельных ответвлений, разделенных аркадами, опирающимися на полуколонны. В главном помещении были установлены продольные скамьи напротив стеллажей, где за счетами сидели счетоводы, отбивая пальцами по кругляшкам, перебрасывая их из угла в угол счетов, и что-то записывая пером в блокноты на коленях. Те, что заседали у возвышавшихся над остальными скамьями кафедр, с колпаками на головах, поглядывали на прокручивающийся в центре прозрачный шар, в котором перемешивались прошения о выплатах, после чего запросы и письма вынимались наугад дабы оградить рассмотрение жалоб от коррупции.

Барданор отвлекся — его всегда занимал вопрос — как они — жители острова Скал — выживали без торговли во время смещения водяных вихрей, перекрывающих водяные тропы? Земля Скал ни рожала ничего, кроме мха да горного клевера и, практически непригодна для земледелия. Вероятно, как он подумал, во всем замешан Безымянный остров и Цепи, но тогда Верховный Канцлер нагло лжет о недостатках «жизни на отшибе». Впрочем, он еще не докатился до того, чтобы усомниться в верности давнишнего казначея, пусть и смещенного на некоторое время, пока не освободится место в имперском собрании.

Задняя стена у хранилища отворялась, откидываясь на землю, после чего открывался вид на гигантский грузовой

лифт, спускающийся по отвесной горе в небольшой порт для одного-двух кораблей. Раздался отчетливый шум прибоя, морская пена брызгала, омывая обтесанный камень, а взгляду открывалось нечто невероятно красивое, пусть и уступающее по своей устрашающей мощи виду из бойниц Рокмейнселла. Это великое и беспредельное море, перетекающее в бездонный океан, от чего и породилось ругательство — «иди ты в бездну!» Земная кора отличалась своей неравномерностью. Морями в Севергарде именовали места, где определенный слой земной плиты образовывал некое подобие огороженного палисадника или ямы, заполненной водой, но менее глубокой, нежели окружавший ее океан. Иногда моря были настолько мелкими, что там можно было ходить пешком или же плавать на лодке, они вырастали в невероятно просторные болота, расходящиеся на десятки километров. Однако, перепады глубины были настолько резкие, что сразу за ними могла идти километровая впадина. Дно океана, в прошлом бывшее землей, казалось, раскурочило метеоритным дождем. Когда стена окончательно отворилась, превращаясь в лестницу, разбросанные по камням и у спуска к воде резонансные столбы засветились, объединяясь между собой протянувшейся по воздуху голубоватой «нитью». Рокот волн мигом стих, море разгладилось, пряча «морщины», а скопления туч развеялись, оставляя на небе затянутую белую дымку, не сходившую оттуда еще со времен потопы. Мало кто из взрослых людей пережил его, а детям издавна вну-

шали об исконном зле солнца, выжигающем глаза.

«Пора бы и сосредоточиться на насущных проблемах», — подумал император, вспоминая о том, что Фекс сделал запрос помощи у союзников, и, вероятно, те уже стягивают войска. А еще надлежало разобраться с Донверхеймом, сместить тамошнего правителя и стабилизировать поступления денежных сборов, а, так же, вывезти на баржах в Рокмейнселл новобранцев с природными минералами. Все равно, скоро в этом острове не будет надобности, особенно, когда статус столицы империи ляжет и на Хэнгтервол, а Донверхейм он обратит в обычную колонию, куда будут ссылать на добычу руды преступников. «Водовороты неподалеку Донверхейма за годы взаимоотношений с Севергардом нанесли куда больше потерь, чем выгод, потому нет причин его содержать и дальше» — перечитал Барданор свое послание, но, когда к нему подошел почтовой, убрал его в нагрудный карман. Все-таки «родина» задаром не продается. Он еще помнил свое детство, и, пока любовь к прошлому перевешивала целесообразность.

Заметив появление императора, гвардейцы вывели из помещения всех, кроме троих счетоводов, заседавших за кафедрами, дабы избежать лишних ушей.

— Каковы приказания?

— Поручите казначеям оплатить счета ордена протекторов.

Кто бы мог подумать, что монахи-воители обходятся столь

дорого? Его брат впадёт в ярость, если он не погасит долги протекторов перед дальними городами, поскольку им всюду в пределах Севергарда было положено оказывать гостеприимство, и далеко не все правительства оказывали щедрость в этом вопросе. По словам брата, протекторы нередко жаловались на то, что вместо скромного номера или койки им подсовывали тухлую похлебку и провонявший от блох матрас с ночлегом на улице. Такого лорд-защитник стерпеть не мог, хотя большая часть его «угроз» и ограничивалась карой богов да взыванием к совести. Повсеместно орден защитников считали причиной всех бед, поскольку куда бы ни влез протектор — он стремился отстоять интересы как зачинщиков, так и пострадавших. «Соблюдать нейтралитет крайне затруднительно в наше время». «Для начала хотя бы соблюдайте свой кодекс, — отвечали им, — там говорится о защите нищенствующих и немощных, а не наоборот, вы же помогаете и тем, и другим, точно ростовщики». Это сравнение крайне оскорбляло защитников, потому нередко Барданор предлагал распинать за клевету, на что брат отвечал: «подобные меры — чрезмерны».

Недавно они вступили в яростную перепалку, когда он заявил, что «дар свободы мучителен для людей, и он, как истинный благодетель, освобождает их страданий, позволяя ему руководить страной». Лорд-протектор обвинил его в надменности, а Барданор влепил брату пощечину, хотя и сам от инерции и того, что тот и не дрогнул — едва устоял на но-

гах. «Будь предо мной кто-то другой, несдобровать бы тебе», — прокричал он, вызывая стражу, но лорд-протектор уже ушел, все такой же безмолвный и холодный к оскорблениям. «И после случившегося — он говорит мне о надменности!» — император не заметил, как им овладела злоба. Но, когда заметил уставившиеся на него удивленные взгляды подданных, мигом нашел силы усмирить себя. «Неужели я проговорил что-то вслух?» — растерянности его не было предела, а в голосе просквозила ярость

— Что вы слышали?!

Счетоводы дрогнули, почтовой уронил шкатулку с конвертами, гвардейцы непринужденно стояли в карауле у лифта. Подданные молчали.

— Когда я отдаю приказ — отвечайте! — он подбежал к ближайшему замершему почтовому. «Мальчишка», — мелькнуло у Барданора в голове, но это не помешало ему схватить того за шею и прислонившись ртом к уху прошептать:

— Или ты признаешься, и тебя ждет темница, или же я прикажу сбросить тебя с обрыва мимо лифта.

— Милостивый государь! — раздался старческий голос среди ошарашенных счетоводов, — мой внук не сделал ничего плохого, прошу вас, смилуйтесь, — а затем голос старика в мантии перешел на строгий тон, — а ты, негодный мальчишка, опустишь пред императором на колени и целуй руки!

Когда же хватка Барданора не слабела, а лицо почтового наливалось кровью, и он, судорожно хватая воздух, вцепился ногтями в руку императора, старик не выдержал и ринулся с кафедры, чтобы обнять императора за ноги, но гвардейцы отбросили его назад, а почтовой... Отдышавшись, Барданор поглядел на обмякшее тело

— Пригласите лекаря, гаденьш расцарапал мне руку, — император оглянулся, — старика в темницу, пацана — приведите в чувство, коли еще дышит.

— А, инцидент, ваше величество, — спросил гвардейский офицер, — когда лорд-протектор вернется, его непременно заинтересует...

— Никакого инцидента не было, — проговорил Барданор ледяным тоном, — ты меня понял?

Затем, после трапезы и пощипывающих мазей, он надел белые перчатки и, утомленный, завалился на трон, укрываемый балдахином

— Сегодня император не принимает, — ответил Барданор на запрос глашатая о том, чего заявить собравшимся в приемной. На подносе принесли обед. Как положено — бутылка из винного погреба и фрукты. Он самостоятельно откупорил вино и послал всех слуг прочь.

Глава — 5 —

Неизвестный разыскивал дорожную книгу, в которой были указаны свободные места для мелкогабаритных судов. Его попеременно отсылали от стоянки к стоянке, где он пробивался сквозь плотные потоки людей, поджидал транспортные баркасы, включал плащ теней, пересаживался, высматривал стоянки среди громадных корпусов танкеров и барж, закрывающих остров, а низенький баркас рулил и рулил, лавируя промеж пропускных пунктов и выискивая обходные пути. В островные каналы таких незаконных «водителей» не пускали, там только по пропускам и разовым разрешениям, коих у контрабандистов не имелось, а заниматься отловом мелких судешек себе дороже — чуть что, и незадачливый танкер врежется. Официальный «переезд» с корабля на корабль вплоть до каналов и обратно осуществлялся по выделенной меж пропускными пунктами водотоками, по которым курсировали рейсовые погрузочные платформы, набирающие сотни пассажиров. Затем, за платформу цеплялся тягач, и ее «отвозили» к берегу или каналам. Это оказалось куда быстрее, чем шляться по кораблям, оставаясь в тени, хоть и обходилось дороже. Так Неизвестный миновал очередь и добрался до «морской гостиницы» — как гласила вывеска, где смотрящий за посетителями, предоставил его взору свободные номера, включая те, что на берегу, а также

внутри кратера, в городе. Однако, когда он подманил того вместе с торговцем, дабы расплатиться за провозку, ему отказали в предоставлении жилья ссылаясь на то, что у него «деньги не те».

— Что за барахло ты суешь нам под нос?! — возмутился владелец платформы, — стража!

Неизвестный едва успел сбежать, пользуясь плащом теней. «Проклятье!» — прошептал он, глядя на собравшийся подле стоек с номерами вооруженный отряд, и прочесывающий этажи. Он привлек ненужное внимание, и это вряд ли останется незамеченным. По меньшей мере семеро людей, сидящих на момент его входа на первый этаж харчевни, опознают его, если он явится сюда еще раз, а то и на острове. Значит, обратно на платформе ему не перебраться. Разве что, ждать заката и смены обслуживающего персонала. Бродя меж рядов, так чтобы тень не попадала на глаза, он узнал про разновидности монет. Оказалось, что курс валюты привязывался к острову, и единой мерки не существовало. На ценность денег влиял политический статус острова и взаимоотношения с близлежащими территориями.

Оказалось, иногда курс обмена рознился от одного к трем, до одного к девяти. Все зависело от острова, где проводились торги или имелся некий обменный банк. Так же он узнал, что многие тем и живут: катаются по свету, да обменивают валюту в зависимости от положения на островах. Где кризис — там цены вырастают. Они скопом туда — сплавливать

набранное «добро», где процветание — закупают. «Вот уж кто наживается на страданиях людей, а не мы, — говорил ростовщик, пока девушки омывали ему ноги, — у этих перекупщиков...». «Их и перекупщиками назвать сложно! — возразил ему сидящий напротив мужчина, похлебывающий пиво, — зарабатывают на воздухе, мы то риски несем, а они — волчьи отпрыски!» «Что же вам мешает заняться тем же, господа? — в плавучую харчевню вошел разодетый в черный однотонный плащ, но с золотым швом молодой мужчина, и бросил на стол мешочек с золотом. Неизвестный отошел подальше к выходу, где его нельзя было случайно заметить и пригляделся. Легкая щетина, шрам вдоль щеки, и правильные черты лица, как у классического красавца. «Совесть, вот что! — встрял ростовщик, — вам то неведома ее природа». «Потому и богат», — ответил он с ухмылкой из-под капюшона, а завсегдатаи уже поняли, что этот мешочек идет на «пойло за счет заведения» — так в шутку они называли редкие акции, когда каждый проходимец мог опробовать новую партию выпивки. Как и было предсказано — ничуть не смущенный Смотритель тут же прокричал — «Пойло за счет заведения!» И в харчевню мигом нагрянули толпы людей. Неизвестный еле унес ноги, а сталкивающиеся с воздухом люди, ошарашенно взирали на пустоту. Затем, он прислонился к столбу, освещавшему потемневшую под вечер платформу, выпирающую из здания, куда и причаливали суда, и проследил за идущими на обмен валюты. Нагрянул

дождь, плащ теней пришлось выключить, запах гари и пепла улетучился, стало прохладнее, и он уже не взмокал под теплой одеждой. Осталось последовать за уносящейся шляпкой в обособленно возведенный на воде барак, поменять деньги на те, что пользуются спросом и разыскать место, куда приспособили детей. Или, по крайней мере, набрать сведений о них. Следуя за целью, он переправился на баркасе, аккуратно ступая на край, пока хозяин отвлекся на сбор за проезд. Затем спустился в подсобку, где и обнаружил уже знакомого мужчину в черном плаще. Тот повернулся в сторону Неизвестного и дружелюбно улыбнулся:

— Наблюдаешь, странник?

«Какого...?» — пронеслось у него в голове, он перепроверил заряд плаща, — шумоизоляция блокировала трение одежды о кожу. Заметив суету Неизвестного, он наклонил голову, поднося к лицу раскрытую ладонь — туда плюхнулась прозрачная линза,

— Она подсвечивает силуэты, это для моей безопасности.

Кого-то ищешь, странник?

— Детей.

— Оо, — выдохнул сигаретный дым мужчина, — не думал, что работорговцы нагрянули на остров Скал. Здесь вас не любят, — он оглядел одежду Неизвестного, — Погоди, ты не из барыг. Просчитался, так зачем детишки? Припасаете на случай голодовки?

— Отличная шутка, — ответил хмуро Неизвестный, —

но не смешная.

— Как посмотреть, — докуривая вытянутую палочку проговорил тот,

— Знай меру.

— Не приемлю угроз в своем доме, понимаешь? — докурившая сигарета полетела к ботинку Неизвестного, а он резко приблизился к черноплащелу, за что тут же получил удар головой о голову. Потирая лоб, мужчина расправил плащ

— Тебе туда, — сказал он, уступая проход к лестнице, ведущей куда-то вниз, — и даже не думай, — прибавил он, замечая, как рука Неизвестного приблизилась к мечу, — борзая собака, — он едко улыбнулся, — марш в подвал.

Неизвестный, толкнул его, проходя мимо, а тот ударил тыльной стороной рукояти по спине. Мгновение — и Неизвестный наготове, а черноплащелого... и след простыл. Удар пришелся меж позвонков, и, частично парализовал руки. Неизвестный вынужден был задержаться, чтобы прийти в себя. Спустившись в глубину, он слышал, как за тонюсенькими стенами из металлических листов плещется вода, а в углах разросся грибок, распространяя неимоверное зловоние. Неизвестный уже усомнился в правильности маршрута, когда натолкнулся на подтекавшую деревянную дверь. Спрятав оружие, он решительно толкнул ее вперед. Дверь поддавалась, обдав его запахом печеного хлеба и молока. Неизвестный удивленно взирал на подводную столовую, освещаемую маленькими лампочками, торчащими на проводах из низко-

го потолка. Пригнувшись, он зашел в помещение.

— Чего ищешь в Кормушке? — обратился к нему сидящий за круглым столом игрок, перекидывающийся с остальными в карты. За столом находились окуляры, приделанные к шлангу, уходящему в потолок. Периодически к ним кто-нибудь приближался, чтобы осмотреть окрестности.

— Эй, животное, отвечай.

Неизвестный проигнорировал говорившего, направившись напрямиком к стойке, где стоял обложенный всяким хламом полноватый мужчина с пролежнями на боках. Рубаха едва прикрывала выпирающий живот. Копируя движения черноплащего, он небрежно бросил на стол мешок и барыга без колебаний распорол ножом завязки, пересчитал монеты и выдал небольшую горсть взамен. Пока это происходило Неизвестный спиной ощущал неприятный и липкий взгляд, а по спине струился пот. То ли от духоты, то ли от волнения быть раскушенным.

— Тут недостаточно, — сказал он, когда взвесил руками новое содержимое.

— А ты прикинь и докинь.

Игроки встали из-за стола, побросав карты и подошли вплотную к Неизвестному:

— Не местный, и это очевидно по туннельной вони, разносящейся от тебя. Откуда же незнакомец? — спросил голос позади, а в спину уперся нож

Неизвестный поднял руки, демонстрируя пустые ладони

— Я с Цепей.

— Беглец? Надо же, и не гнушаешься обиранием разоренного города.

— На острове Цепей все стабильно, а я посланник.

— И какую же весть нам принесли? — рассмеялся барыга, укладывая руки замком на стойку и вытягивая шею. Неизвестный подался вперед, но на его спину легла тяжелая рука. Тогда-то он и активировал плащ теней.

Через пять минут все, кто находился в помещении валялись на полу, а Неизвестный, перепрыгнув через стойку, осматривал замок на сундуке. Он обернулся к опирающемуся на стену спиной полулежащему торговцу

— Открыть не сможешь?

— Я бы помог тебе харю обработать, — он схаркнул кровь, отирая рукавом распухшие губы, — как ты, не против, животное?

Неизвестный поглядел на него пристально, метка блеснула, и тот разговорился, объясняя шифр.

— Вот видишь, могли обойтись и без мордобоя, — сказал он, когда уложил в заплечный мешок последний слиток, после чего, перешагивая через корчившихся от боли людей, ушел из подвала.

Когда эффект метки ослаб, он ощутил привкус желчи под языком и острое чувство вины — «я бросил их там, без помощи!» Но, возвращаться было поздно, потому он продолжил следовать по водяным стоянкам в поисках запасных

мест, поскольку все основные оказались занятыми кораблями. Больше всего ему понравился раздвижной мост, который, по словам контролера из будки, привезли с острова ученых — Карсара. Контролер нажимал на кнопку, а блоки моста поэтапно выдвигались друг из друга, позволяя пройти как по верху, так и спустится по лестнице ниже, к воде, где можно было войти в самую полую конструкцию и в безопасности от волн провести на берег товар или личные вещи. Для этого у входа стояли тележки.

Однако, его не отпускало чувство беспокойства. Странная перемена в характере, пусть и временная, заставила его насторожиться. «Неужели метка вводит его в какое-то состояние аффекта? Почему он отреагировал столь жестоко и без разбора, даже не пытаясь примириться? В чем проблема?» На краткий миг его словно подменили, и потому Неизвестный чувствовал себя несколько подавленным.

У самого берега, где каналы соединялись в небольшой залив, а сухой воздух глубоко проникал в легкие, вызывая хрип, ему по некой случайности довелось очутиться в трюме, когда он прятался от проходящих по пристани протекторов. К счастью, последние не обладали линзами на подобие тех, что имел тот контрабандист — подумал Неизвестный, и так же не имели плащей теней. Потому он без проблем перебирался с корабля на корабль, выжидая момента, когда никто не отслеживал пустующие палубы. Наконец, он пролез на борт судна странного типа — несколько палуб, из которых

большая часть заперта на массивные замки, а под верхней, где должны были располагаться пушки — в углах прятались дети. Они заметили заползающую в помещение тень и в молчании уставились на замерший силуэт, не видя его источника. «Да это же с Цепей!» Неизвестный узнал их чисто случайно, по биркам на куртках, которые приделали им Амалия с Ферниром. Похоже, сюда «на хранение» торговец с Цепей и перевел их, но где же он сам? Неизвестный вышел к лестнице, по которой можно было взобраться на любую из палуб и прислушался к тихому гулу из машинного отсека — кто-то перекадывал уголь. Слух не подвел — выше главной палубы, в рубке, кто-то причмокивал. Периодически доносился металлический треск. Неизвестный взобрался туда. В рубке присутствовал, по-видимому, владелец корабля. Закинув ноги на приборную панель, он потягивал какую-то палочку, его зрачки помутнели, из-за чего казалось, что у него белые пустые глаза. От дыма закружилась голова. Оконная сетка была плотно запечатана, от чего в рубке возникала невероятная духота. Но, капитан, по всей видимости, был настолько обкурен, что потерял всякую чувствительность. Неизвестный расстегнул воротник, подходя к нему и потряс за плечо, но тот и не думал даже реагировать. Тогда Неизвестный оглядел помещение и увидел ведро подле двери, выходящей на балкончик. Он спустился к воде, набрал ее до краев, и, вернувшись, окатил холодом с головы до пят. На что поймал нескончаемый поток ругани, чем и привлек в рубку осталь-

ной экипаж. Незвестный выждал на балконе, пока те соберутся, осмотрят рубку, заглянут на балкон, и, никого не обнаружив, уйдут. Заодно и заметил поодаль шипастую башню, на которую со всех сторон были «накинуты» тросы. Ее должно было разорвать или вырвать из земли, поскольку зацепленные за шипы корабельные тросы тянули в противоположных направлениях, но та стояла и даже не думала покачнуться — словно материал ее состоял из чего-то невероятно прочного, а корень уходил в глубокие недра. Но его привлекла не башня, а ветхое строение на плато позади нее. «Похоже на приют» — подумал Незвестный, внимательно разглядывая через раскладную подзорную трубу гибрид из множества надстроек. Услышав удаляющиеся шаги, он сложил ее, деактивировал плащ и вернулся в рубку.

— Спокойно! Без резких движений! Я за выкупом товара. Детей, — уточнил он на всякий случай.

— Твою ж налево, они нам доставили немало хлопот!

Капитан пялился в потолок, пытаясь совладать с дурманом, а одежда буквально высыхала на глазах, отдавая влагу в воздух.

Голодные и съезжившиеся комки не еле вторые сутки, поскольку предоставленные торговцем деньги иссякли, и их вот-вот полагалось выгнать. Когда он спросил, как долго они находятся в таком положении, никто, включая владельца судна не смог дать внятного и вразумительного ответа, поскольку сам владелец пребывал под воздействием мест-

ного наркотика, происхождение коего Неизвестный определить не смог. Он потряс его за одежду, и тот предоставил ему ключи, пообещав «насувать в зад паленого иридиума», если он еще хоть раз посмеет очутиться на его посудине. Ему так же хотели показать, каково нарушать порядок и охранники, но Неизвестному не было до них дела, и он просто посталкивал тех в воду, предварительно искусно обезоружив. Затем он распорол связывающие детей веревки, и, забрав с корабля сундук с золотом, поодиночке, используя плащ теней, перевел их к Амалии, где та тут же бросилась укрывать и кормить ребятишек.

— Во время погрузки они торчали под дождем! Ты понимаешь? Дети! Как ты их нашел?

— Разыскивал дорожную книгу и сведения о новопривыбывших с Цепей. Думаю, их надо приспособить на острове. Негоже оставаться здесь, посреди оравы торговцев, которые не приманут пустить их на продажу. Я нашел одно выгодное место, вероятно приют, и, походу — он заброшен. На островах нет дела до благотворительности, но на те деньги, что мы имеем его можно восстановить и привести в годное состояние. Ты же этого хочешь? — поглядел он на Амалию. Затем он отрулил корабль к морскому посту, где, заплатив за разовый проезд приличную сумму, получил разрешение на въезд без осмотра.

— За услуги надо платить, — улыбнулся постовой, высываясь из окошка массивного пирамидоподобного поста,

— после чего был дан зеленый свет, и массивные многослойные створки раскрылись, открывая путь во внутренние каналы, впадающие в мелководный залив, и берег за ними.

«Черт бы их побрал! — выругался Неизвестный, когда они на достаточное расстояние отплыли от поста, — ощипали как курицу». Меж тем, приблизился тягач, и «проводил» их до стоянки, где в ряд выстроились такие же небольшие суда. Оттуда с противоположной стороны платформы в линию стояли баркасы, отплывающие непосредственно к острову. Дале — несколько плато, подобно складкам на сморщенной коже, и крутые подъемы к жерлу потухшего вулкана, по кайме которого проходили узкие дороги-тропы, где то и дело мелькали повозки, набитые людьми. Справа же... Выходящий прямиком из прорубленного хода в вулкане — широченный мост, скрывающийся за горизонтом и уносящийся к Темплстеру. Местами он проседал, где-то, наоборот. Часть конусов по бокам давно потухла, но некоторые из резонансных столбов тускло поблескивали под серым небом. Вероятно, они и защищали мост от окончательного разрушения.

Переправив группами детей, они сошли на каменистый берег. Волны почти не ощущались, а тенистый ил оседал, не успевая добраться до суши. Помимо шипастых столбов на берегу находились постоянные дворы, откуда посетители в сопровождении проводников отправлялись пересекать плато и крутые подъемы, ведущие к «лифтам» и жерлу, чтобы попасть в город. Дети мельтешили вокруг, Амалия то и де-

ло хватала их за руки, раздавая из мешка еду. Неизвестный же раздражался, они замедляли ход и привлекали излишнее внимание. Посторонние взгляды, обычно, лишённые смысла и скользящие безо всякого интереса, застывали на шумной толпе, как он ни старался их успокоить. Благо, у Амалии это выходило куда лучше, потому он оставил их на ее попечение, приказывая ждать на месте, и отдалился, ускоряя шаг по направлению к приплюснутому строению, объединявшему амбары и гостиницу для ночлега. После Острова Цепей Скалы казались просто сосредоточением света. Конечно, в жерле ситуация могла измениться в обратную сторону, но побережье выглядело достаточно светлым, прибавь сюда еще и сигнальные столбы, раскиданные по острову... по ночам и вообще покажется елкой в гирляндах. Постоялый двор встретил Неизвестного запахом пива и мясной похлебки. Он отворил дверь, пропуская мимо просветителя. Тот даже и не глянул в сторону Неизвестного, погруженный в пересчет монет на ладони. Когда он зашел к перечисленным запахам прибавился и пот. А по полу проходил кровавый след. Неизвестный аккуратно обошел его, посетители за столиками прекратили обсуждения, в замирании уставившись на пояс с ножами.

— Я с миром, — сказал Неизвестный.

— Тот мышара сказал тоже самое, и где Вэль сейчас? Отправился в бездну! Из-за карточного долга!

— Что-то буйно ты разговорился, — рассмеялся сидящий поблизости длиннобородый, — а коли он вернется?

— А коли так — насажу на пику!

— Пика то небось невелика!

Раздался смешок, потонувший в молчании. Неизвестный осмотрелся

— У вас прикончили приятеля, а вы развлекаетесь.

— Сегодня — приятель, завтра — предатель, — резонно ответил кто-то из угла.

— Мне необходимо попасть в город, есть проводники? Разумеется, за плату — Неизвестный разложил на столе монеты с изображением императорской головы.

— Мы солдаты, а не извозчики, — ответил ему заросший черноволосый мужчина, одетый в плащ поверх кольчуги. Пока Неизвестный обернулся на голос, чужие руки уже потянулись к монетам, но он быстро среагировал, обнажая меч.

— Обожди! — сказал сидящий подле желавшего прибрать деньги и стукнул его по руке, — мы не обдираем гостей. Как тебя звать? Подъеду ко входу, а бошками императора больше не красуйся. За такое здесь и убить могут.

Неизвестный кивнул и вышел. К тому времени Амалия подвела детей к отпертому амбару. Малышня начала спрашивать почему он оставляет красные следы. Неизвестный чертыхнулся — таки вляпался. Меж тем ворота амбара распахнулись, и вышел обритый налысо мужчина.

— Стольких за раз не провести, — он махнул рукой, приглашая внутрь. Когда Амалия рассадила детей по перевернутым лодкам, он продолжил:

— Разделим на два потока, дабы не вызвать подозрений, с интервалом в день.

— Кому принадлежит здание подле столба с шипами?

— Ты о виселице? Какому-то местному торгашу или муниципалитету, черт его разберет, зачем тебе та развалина?

— Куда мне девать впоследствии детей?

— Думаешь, покупатели одобряют и оплатят расходы на его содержание? Или ты собираешься оформить продажу вместе с домом?

— Я везу их не для продажи.

Мужчина так и замер в удивлении,

— На кой они тебе?

— Закрыли тему, сколько берешь за работу?

— Все, что ты выкладывал на стол.

— Не многовато ли будет?

— В самый раз.

Неизвестный уступил, зная, что терять время он себе позволить не может. «Надо поскорее убраться с берега, пока нас не заметили протекторы, прожекторы или еще кто», — подумал он, раздавая инструкции Амалии, а сам прикидывая план выкупа и ремонта бывшего приюта. Он знал, что защитники чувствительны к меткам, потому пожелал идти первым в разведку. Если его разоблачат, то оставленных Амалии денег хватит на дорогу к Темплстеру и покупку жилища. Неизвестный не мог решить, что делать с островом, и, потому, когда мужчина удалился, а накормленные дети за-

дремали на принесенных матрасах, он достал из заплечного мешка завернутую в шелковую ткань книгу, которую ему «подарил» Верховный Канцлер, и с трепетом прикоснулся к ее обложке. Раздался шорох, он оторвался, оглядываясь, но тот мигот стих. Тогда он снова прикоснулся к книге, разворачивая переплет. В ноздри влился легкий аромат, а он потерял ощущение пространства и времени. Его как бы обволакивало ореолом спокойствия и постепенно пробуждающейся тревоги. Последняя нарастала по мере того, как он хаотично листал страницы, в глазах помутнело, Неизвестный ощутил, как руки обжигало пламя, а сердце замедленно ухало, наливаясь свинцом и колющей болью. Одеревеневшие пальцы перелистывали потяжелевшие страницы. Казалось, он силится поднять не бумагу, а литую сталь. Живот скрутило чередой спазмов. Неизвестный скорчился, и... еле сумел захлопнуть книгу, тут же отброшенную прочь. Наступило облегчение. Неизвестный вздохнул. Воздух вновь свободно поступал в легкие, а он... кажется, получил ответ. Но, едва он расслабился, как его скрутило и смачно вырвало напрямик на обложку. Затем, через пару минут это повторилось, и он в бессилии рухнул рядом, нюхая собственную неперевавленную пищу. «С таким не совладаешь» — он сумел улыбнуться сквозь слабость, и провалился в безмятежный сон.

Глава — 6 —

Когда их подняли в клетке к ободу потухшего вулкана сухость резко сменилась на сырость. Тросы, как и сами подъемники выглядели хлипковатыми, но стража впихивала как можно больше людей за раз, чтобы содрать денег за смену. Иногда случались разрывы канатов и тогда «лифт» с несчастными летел напрямик на камни, а стражники просто отвечали, что не углядели, как пролезли безбилетники, и дело на том закрывалось. Между собой же стандартно отговаривались: «сами виноваты, куда лезли? Никто не принуждал». После прогона по стене, их пропустили во внутренний город, представляющий собой спираль из колец, каждое из которых обозначало тот или иной уровень. Проход со стены осуществлялся через откидной мост, который, в случае необходимости поднимался, чтобы никто не мог быстро покинуть вулкан. Их сразу погрузили всех вместе в крытую повозку, поэтому Неизвестный не успел рассмотреть каких-либо деталей, и, на протяжении всего пути видел лишь гравиевую дорогу.

Детей приспособили подле одного из заброшенных святилищ протекторов. Неизвестного с Амалией не пустили внутрь, поскольку «чужаки могли осквернить священное место», как им сказал гвардеец охранявший вход. Массивные двери давно слетели с петель и их просто сложили домиком,

организовав подпорки, дабы те не разъехались. На прощание Амалия подманила детишек и, предваряя их слезы, вытащила из-за пазухи световой камень. Каждый ребенок в тихом восторге дотронулся до невероятно красивого переливающегося голубоватым светом комка. Стагмин же пришлось оставить на корабле. Вдали от воды он постепенно хирел и угасал. Амалия поцеловала каждого из них в лоб, в особенности пару близняшек, столь крепко напоминавших ее саму.

— Будьте послушными, ведите себя хорошо, ладно?

Дети закивали и Амалия, улыбнувшись отвернулась, а в глазах встали слезы. На том и попрощались.

Неизвестный искал странников из торговой империи для соглашений, а Амалия устроилась работницей в гостиницу, где ей и выдали номер, как говорится «за глаза», и в прямом и переносном смысле. «И правда красивые» — подумал тогда Неизвестный, глядя в бездонно голубые лучистые «колodцы».

Неизвестный ориентировался на подсказки из книги. После пробуждения он смутно помнил содержание, и, скорее ощущал «тропу» интуитивно. Поэтому не мог ни оформить в мысль четкий план действий, ни выразить словами слетающие с языка готовые фразы. «По крайней мере, мои действия обрели последовательность» — подумал он, замечая, что вместе со стремлением он ощутил и непривычную прибавку сил.

Чтобы избежать проблем с местными порядками, он до-

плачивал страже, причем нередко его обдирали на каждом новом кольце, когда он поднимался или спускался, иначе он вынужден был выстаивать в общей очереди и непрерывно подвергаться досмотрам. Как выяснилось, платная очередь была ничуть не меньше, разве что исключала «позорное» раздевание до нижнего белья, да еще и в легкий морозец. Женщин и детей пропускали быстрее, предварительно облапав все, что только можно. Там уж кто куда горазд — и попробуй пикни, ударить — не ударят, а просто не пропустят. Потому и первые молча терпели ощупывания, или же стриглись подобно мужчинам, уродовали себе лица и носили мужскую одежду. «К счастью» для стражи — на подобное из гордости и представлений о чести пойдет лишь малая часть. Потому та безнаказанно «проверяла» каждую девочку и женщину, исключая старух, коих в столь суровом месте можно встретить реже проблеска солнца — то есть практически никогда. После подобного приема на островах Цепей и Скал, Безымянный казался вполне дружелюбным островом. Вообще, по сравнению с островом Цепей город в жерле был совсем небольшим. Возможно, он раза в два, а то и три уступал Цепям, и в полтора — Безымянному. Хотя здесь и имелись земли на внешней «корке», снаружи, но там преимущественно находились одиночные случайно раскиданные поселения да крупные склады, предназначенные для торгового оборота. А еще, Неизвестный не заметил сколь-нибудь серьезных оборонных сооружений, не считая пары маяков с баллисти-

ческими пушками. Остров охранялся исключительно пешей стражей да морскими постами в пунктах приемки кораблей. Из очереди говорили, что подобные «осмотры» творились и за пределами сети маяков. Но, обычно, для процедуры женщин уводили в отдельное помещение.

Если направиться от периферии колец к центру, то «на дне» города можно увидеть ледяную корку с ледниковыми отложениями, из-под которой просвечивал ало-желтый минерал. Там же, неподалеку, кольцом выше — основывались поселения горняков, гнездящихся в подвесных домах, утепленных в стенку-потолок жерла, поскольку внутреннее пространство вулкана поэтапно сужалось к горлышку, и часть крайних строений или подвешивались на цепи, цепляемые за вбитые в стену-потолок колышки из сплава с Огненных Земель, или же застраивались в форме обычных параллельных улиц, но тогда свет толком и не попадал на «подстенки», а по помещениям разрастался грибок. Чуть выше — два кольца с предприятиями. Трубы от них изгибались и уходили в стенки кратера, дымя снаружи. Периодически объявлялся «час прогрева», тогда зажигали уголь и через специальные клапаны, выходящие на центр выпускали пар, но допускались подобные мероприятия не боле, чем до полудня. Незвестный подумал, что в это время, когда большая часть людей отсиживается по домам, с включенными фильтрами на форточках, окнах и вентиляции, удобнее всего вести подрывную деятельность. Конечно, при условии, что имеется

дыхательная маска, а она ой как на вес золота. Еще и не определишь — сложнее найти инъекцию «грязного» иридиума или ее. С чистым, то, никто и не сравнивал. Тот бесценен. Откупившись на постах, Неизвестный следовал по проверенному маршруту, выискивая облачения торговцев с Сонтейва или, на край — Утренних островов. «Коли торгошу по пути — силится он вас развести. Знай: то не случай» — помянул он высказыванием Лейма. Да и кто выдаст прибыльные торговые пути? Пусть и такому клиенту, как Неизвестный? А то, что торговцы были в курсе его личности — он уже не сомневался. Фернир послал на Скалы восточку, где говорилось о проданных тем детях, и передаче их на хранение на имя Неизвестного. Узнал он о том в местном обменном банке, ему выписали счет, который он был не в силах погасить. «Три тысячи». Когда Неизвестный возмутился ему добавили: «Четыреста за прогон и две шестьсот за хранение. Месье, у нас свободный остров, а вы оскорбляете его достоинство бесчинством и лицемерием, будьте добры выплатить или лишитесь права на груз». На том его и погнали из банка в шею, зарекаясь не пускать до полного расчета.

Впоследствии Неизвестный «облегчил себе участь» тем, что приспособил нашивки канцлера на плащ теней. Аккуратно срезав и подшив на плечи с манжетами, он остался доволен результатом, хотя и сомневался — не нарушена ли целостность маскировки. А носить канцлерский плащ здесь — опасно, он скорее рискнет одеться в него на Темплстере,

нежели под боком у торговцев. Здесь, на перепутье торговли, весть мигом разнесется по всему свету, а он не хотел подвергать огласке свое мероприятие раньше времени. Нашивки давали ряд преимуществ, одно из которых — отсутствие необходимости оплачивать переходы и бесплатное питание с элитным жильем. А, поскольку, отследить его перемещения из-за невидимости было практически невозможно, он успешно расследовал городские кольца, договариваясь с торговцами о сделке. Условий ее он не сообщал раньше времени, ему требовалось найти кого-то, кто действительно с Сонтейва, а не прикидывается таковым, обладая в запасе ржавой посудиной. Ему ни раз приходилось наткаться на просветителей, с подозрением взирающих на пропускаемую мимо очередей персону. Только статус избавлял его от ненужных вопросов, но то — дело времени. Когда-нибудь они догадятся связать воедино события на острове Цепей и его одежду. Незвестный многократно благодарил про себя Альфредо за то, что тот додумался перекрасить и стилизовать плащи теней под дождевые плащи. Иначе не миновать ему на Скалах беды. Ткань плаща теней поглощала и импульсы, издаваемые меткой, потому он и продержался так долго незамеченным.

Однако фортуна решила изменить ему, и как то бывает, в самый неподходящий момент. Незвестный как-то забрел в городок горняков. Висячие дома как птичьи кормушки или боле того — клетки, сцеплялись между собой неким подобии-

ем проволоки, по которой из одного края в другой запускали, подвешенную на нее крюком, корзину с продуктами, вещами или же приспособлениями для ремонта и работы без необходимости спускаться на землю. Повстречавшись в обозначенное время с торговцами, он объяснил им сулящие выгоды от союза, и назначал последующие «собрания». Все шло обыкновенным чередом, пока он не влез в драку, чтобы разнять борющихся низкоросликов. Они вцепились друг в друга руками, Неизвестный попробовал их разъединить и... оторвал металлические конечности. Раздался дикий визг, Неизвестный включил плащ теней и отступил к стенам дома, наблюдая за примчавшейся стражей. Низкорослики, тыча носами в землю затараторили в яростном визге, показывая то на отвалившиеся конечности, то на стены домов. Стража помогла им зацепить за крючки на плечах руки, и тогда Неизвестный увидел, как из-под сползших до локтей рукавов проглядывали искусственные мышцы, вплетаемые в плоть и кровь, и подсвечиваемые трубками на плечах, наполненными желтой полупрозрачной жидкостью с примесью крови. Этот вид заставил его поежиться, а карлики, едва стража принялась обходить ближайшие двери и стучаться, в поисках Неизвестного, вцепились обратно, тягаясь между собой в силе. Он вполне расслабился, накатывала зевота, а тут то и его метка внезапно «закипела», и он, оглянувшись. Стража не преминула призвать протекторов. В поношенных зеленых плащах, двое — один излишне молодой, озирающийся на висячие

постройки, и второй — с проседями на висках и лысиной с носом коршуна, спокойно направлялся к вызвавшим его стражникам, как вдруг, зачем-то прижал палец к губам и обнажил меч. Тот что младше последовал его примеру, старший дал знак страже, и та отчистила улицу, оставляя Неизвестного загнанного в угол.

Он не заметил на выбритых лицах защитников меток, но ощущал их присутствие волнообразными потоками, отражавшимися в его голове. Им было не под силу снять маскировку плаща теней, но скоро свет на небе переберется с востока на запад, и тогда его тень на земле могут заметить.

И почему он не удалился с улицы вовремя? «Передохнуть решил, вот тебе на!». Старший защитник остановился, и Неизвестный чутким слухом меченого уловил:

— Видишь аномалию? Словно в том углу что-то мерещится? Вернее, чувствуешь? Младший кивнул, и тут протектор метнул туда, где еще минуту назад стоял Неизвестный, какой-то диск, разложившийся в ловушку. Дорожная пыль с грязью поднялась, застывая в воздухе, словно в том месте образовался вакуум, стягивающий отовсюду предметы, а затем, потрескивая упала на землю.

Неизвестный, медленно перемещавшийся в противоположный конец, выждал, пока протектор приблизится, чтобы забрать ловушку, и прислонился к низкому окну, у ступенек, так чтобы тень падала внутрь помещения. Кажется, протекторы были осведомлены о плащах тайн, или же просто дога-

дывались о невидимости. Защитник раскидал еще пять таких ловушек. Попеременно собирая их с земли, а младший с мечом наизготовке вперевал взгляд в узкие треугольные проемы меж зданий на земле. Внезапно они сменили тактику. Младший отступил к выходу из сжатой улицы, а старший бросал ловушки в противоположном от себя направлении. Неизвестному приходилось приближаться к защитнику, дыхание его учащалось, и он едва сдерживал сердце, когда пульсирующий наэлектризованный воздух дотрагивался до его сапог или же плаща. В любой момент что-то могло пойти наперекос. Едва на влажной поверхности заметят возникшие следы или же проскользнет тень — он пропал. Его спасало только то, что здесь было достаточно сухо, и подошва не отпечатывалась на каменистой почве. Поглядев на далекие выступы над собой, Неизвестный трижды пожалел, что оставил магнитный диск у Амалии. Протектор был крайне упрям, и упрямо вел расследование, количество ловушек множилось, а свободное пространство сокращалось, вплоть до пары «туннелей», проблема состояла в том, что Неизвестный не знал радиус поражения ловушек, и в любой момент мог угодить в них, а те отличались размерами. Протектор же без напряжения, полностью сосредоточенный шептал какие-то слова.

Этот медленный танец с постоянными замираниями продолжался не меньше часа. По спине стекло немало пота. Тепло источало запах, Неизвестный боялся, что по нему защит-

ники обнаружат его. Но нервам не прикажешь. Стража давно рассосалась по кольцам города, а протекторы неумоимо выслеживали нарушителя. «Неужели они не утихомятятся?» К окнам прильнули жители, с любопытством взирая на проделки защитников, но в большинстве своем те обитали наверху. Первые этажи пустовали, потому и Неизвестный оставался столь долго незамеченным. Когда он в очередной раз прислонился к окну с широким внешним подоконником, вдруг изнутри раздался вскрик. Неизвестный напрягся, но не зашевелился, тогда он услышал детский голос, и, повернувшись поглядел на мальчика, разглядывающего лежащую на полтень. Ребенок вновь поглядел на окно, но, никого не увидев, провел носком ноги по тени, Неизвестный легонько пошевелился, и маленький ребенок с восторгом... позвал мать. Когда та прибежала с метлой в руках, то, никого не увидев, дала тому подзатыльник, а Неизвестный переводил дух, наконец-то выбравшись за пределы ответвленной улицы. Здесь то плащ теней его и подвел — мерцнул силуэт, а парой мгновений позже его по щеке полоснул меч. Кровь разлилась в воздухе, но Неизвестный, прижимая щеку ладонью, таки сумел сбежать. Преследование длилось до развилки, где неопытный протектор упустил его. «Разуй глаза, юнец!» — услышал Неизвестный вдогонку. «Ну и достанется тебе» — подумал он.

Вернувшись в предоставляемое чиновничье жилье, он подумал, что неплохо бы снимать висячий дом. Туда и добрать-

ся только по висячей лестнице или же магнитному диску, и никто не нагрянет внезапно с проверками. Амалия еще не вернулась с работы, но по двум комнатам расходился мягкий цветочный аромат и винный запах. На днях Амалия попробовала настоящее Солхеймское вино, и сказать, что ей понравилось — все равно, что ничего не сказать. Она была в восторге, до этого ей не доводилось пробовать что-то помимо похлебок да отварных костей с прожилками. Раз, конечно, довелось ей попробовать простецкое на Цепях, но они ни в какое сравнение ни шло с тем, что предоставляли на Скалах. Темнело, Неизвестный выглянул в окно. Выходное отверстие вулкана загустело в дыме, и дале ничего не видно. «Опять прогревают» — подумал он и переключил рядом с окном тумблер. По ухоженным комнатам пронесся легкий ветерок отфильтрованного слегка суховатого воздуха, а Неизвестный взял с низенького столика прибор, похожий на чайничек, и прошелся с ним по газовым фонарям, расставленным на полках по углам комнат. «Чайничек» подносился к фонарю, затем сбоку, на подставке, откручивался клапан и, когда прижимаешь носик к отверстию — внутрь нагнетался газ, после чего, клапан автоматически защелкивался, и можно было включать свет. Тут дал знать о себе неглубокий порез, о коем он странным образом забыл. Пройдя к умывальнику, он полоснул на ранку спирта из небольшой фляги, и завалился на жесткую кровать. Чувствовал он себя отвратно, да и по шраму его теперь легко узнать. Вскоре, когда выхло-

пы развеялись, вернулась и Амалия.

— У тебя грязное лицо, — говорит она, отжимая спиртовой компресс, и вытирает ему заросшую щетиной щеку, кровоточащую щеку. Затем он спускается в нижний ярус, представляющий какой-то погреб, где на потолке рос... «Мох... Как в нашем убежище на нижнем уровне, где в грязи земли любил сидеть старик по имени Альван, подаривший маленькому мальчику — Неизвестному, игрушку — мячик на магните, утонувший при прорыве иридиума. Он называл его дедушкой...». Он выносит оттуда вино, попутно включая тумблер с просушкой, и усевшись, он на кровать, а она на диван, устраивают себе трапезу. Ранее Неизвестный отвергал всякого рода удовольствия в еде, но со временем, когда приспособился на Скалах к роскоши, перестал отказываться от того, что по истечению срока годности все равно выкидывали. Амалия нередко уносила со стола все излишки нищим с улиц. Его это умиляло, хотя он больше верил в глобальные перемены, устраняющие не симптом, а причину. И такую он видел в текущем устройстве мира, его делении на имущество господ и... имущество господ, по которому, как муравьи, обустроивающие чужой муравейник, которых в последующем отправляли на убой, влачили свое существование эти угрюмые и уставшие жители имперских островов.

Он не имел еще полноразмерной картины об изменениях, бремя коих рухнуло на его плечи, но твердо знал, пусть и с периодами необъяснимого сомнения — куда следует на-

носить удар, а именно — по собственности островных лордов. Ничейные земли пустуют, и какие-то карточки, утверждающие их права на распоряжение ими не способны помешать его планам. Тем более, Вольные Острова выступят с поддержкой, когда увидят эффективность его мер. Он не малого добился, выискивая желающих сотрудничать торговцев. Ему стали известны основные мотивы,двигающие их на столь крупные риски, ходовой товар и расценки со слабыми местами.

Подогнув одну ногу Амалия пристально смотрела и слушала Неизвестного. «Для торгашей чересчур значим этот путь, ведущий на Скалы, даже больше, чем для империи, поскольку местный лорд не является на имперские собрания и прибирает часть капитала себе. Полагаю, я окажу существенную услугу остальным лордам, нарушив поставки, и те, кто предпочитает торговлю с Севергардом, перенаправят паруса к иным имперским островам, а остальные... Окажут нам содействие в полезном для общества деле». Он говорил с таким энтузиазмом, что, казалось, будто и сам верил в осуществимость своих слов. Хотя, мгновением позже, его уже беспокоило то, что он не имел четкого представления, ради чего все его потуги. Периодически ему казалось — ради людей, их блага и мира, но также возникали и противоположные мысли, он не мог определиться — к чему идет, и к чему ведет Амалию. И эта неопределенность ввергала его в панику, когда он задумывался о своем жизненном пути. Что же

дальше? Что же дальше?! Он лезет в чужие судьбы, при этом не имея представления, как разгадать собственное сердце. Но вот, чьим-то толчком сомнения сталкиваются в беспмятство, и он пробуждается, наделенный смыслом: «движение не напрасно, а раз так — то не напрасен и творимый им мир». Он предполагал, что после взятия контроля над островом сможет обеспечить исполнение договоров с кораблями торговой империи.

Из страха блокировки проходов к острову Скал, те примут его условия, и не решатся потерять одну из крупнейших торговых точек. В подобные моменты он ощущал, как нагревается метка над глазом, точно она чувствовала его терзания, или же... была их источником. «С ней что-то не так», — думал Неизвестный. На Скалах она сбоила, иногда пропадавал слух, притуплялось зрение, терялся навык общения с людьми, снижался жизненный тонус. Хотелось завалиться на постель и не вставать. Когда Амалия предположила, что это, вероятно, из-за залежей грязного иридиума в шахтах, он в задумчивости, согласился. От учителя Альфредо на Безымянном острове, он узнал, что происходящий сбой в работе метки полностью переводит ее сильные стороны в слабые, например, проворство в неуклюжесть, ум в тупость, выносливость в истощаемость. Тогда он не придавал особого значения этим состояниям, но про «обстрел» на мосту просветителей не забывал никогда. Учитель предстал там во всей беспомощности, ибо, надеясь на свои способности, и разом

утратив их, был сродни кроту, вытащенному на свет. А протекторы будто подсознательно чувствовали, и ненароком забредали в дом, где отсиживался Неизвестный, приглядываясь к постояльцам. «Ничего, — утешала его девушка, — скоро их призовут на осмотры в Темплстер или столицу, я так слышала». Он надеялся на ее правоту, но долго избегал посещения улиц. Тем временем, за содержание детей набегали долги, и если их не погасить, то их выгонят, а там — первые, кто поймает, «продадут с молотка», приспособят на черновые работы или, хуже того — в шахты. Что на такое способны некоторые из дельцов нижних Колец — он не сомневался.

Для дальнейших «мероприятий» ему нужна печать владельца острова, но та, вроде как, хранилась в канцелярии. Создавать шумихи вокруг нападения на хранилище он не хотел. Сразу вычислят, кто воспользуется. Выкрасть печать — более привлекательная задача, только пока-что осуществлять ее не с кем. Доверяться индивидам на подобие Оливера, он желанием не пылал. Поговаривали, хитрец избежал виселицы. Или Неизвестному так показалось. Он трезво оценивал свои шансы. Проникновение в хранилище — не работа для одиночки.

Подкуп стражи обойдется в копеечку. В случае же провала — он лишится всякой возможности договориться с торговцами. «Ох уж эти крайние меры...». Потому и оставался еще один вариант... Ждать, пока Лейм кое-что уладит, и оповестит его об этом.

Протекторы пару раз «навещали» двухъярусный номер, предоставляемый Неизвестному, но Амалия всегда вставала в дверях, не пропуская внутрь. Разрешения на обыск у них не имелось, но иногда они чрезвычайно настойчиво просили войти, поскольку «здесь могли быть следы преступления». После их ухода она обычно с облегчением выдыхала:

— Я боюсь.

— Ну, запретить бояться я тебе не могу, разве что — разрешить не бояться.

Амалия с легкой улыбкой усаживалась рядом, и, они вместе ждали новостей от его друга. Так томительные часы обращались в радостные мгновения, преисполненные беззаботности и покоя.

Когда девушка в очередной раз возвращалась из Святылица, где навещала детей, в особенности тех двух милых близняшек — Аю и Маю, ее придержал за локоть человек, прятавший лицо в капюшоне. Дыхнув перегаром, он засунул в карман ее длинной куртки письмо, после чего, отдалился, сделав шаг обратно к крыльцу, и вынимая из-за пазухи наркотическую палочку. Позади кто-то страдальчески закричал, девушка обернулась, ускоряя шаг — никого. Этот странный город вносил в душу какое-то ощущение скомканности, непонятности. Точно взяли сосуд, намешали туда все подряд и выставили отведать. Люди вели себя необъяснимо и странно, говорили о свободе, но повсеместно шествовали отряды стражи, то и дело обыскивающие квартиры. Говори-

ли об искренности, но не выявляли эмоций, о взаимовыручке, но без соучастия, о друзьях, но без чувств. И чем больше она общалась с представителями, захавшими с центральной части империи, тем сильнее ей казалась некая натянутая маска... Она не могла подобрать слов, но это нечто всюду являлось ей в разных образах. Даже торговцы из Империи Солнца, с присущим их типу цинизмом, не могли соперничать с цветущим в сердцах «имперцев» бесчувствием. Это даже не холодность, а безучастная серость.

А еще... Она услышала о неких Обезличенных, проходящих особый ритуал-обработку, после которого отступники от пути общества получали право вернуться обратно в «семью». Звучало, как безумие, но ей такого наговорили бабки-прачки, что Амалии иногда снились кошмары с участием армии размазанных белых лиц. Она ненароком вглядывалась в приезжих в поисках каких-то зловещих черт, но все, как ей казалось, обошлось страшной сказкой, не имеющей отношения к реальности.

По выщербленным ступеням девушка прошла пропускной пункт. Предъявив «погон» с плаща Неизвестного, она свернула в ответвление, примыкающее к стенке кратера, огороженное гофрированным железом. За несуразным ограждением вырисовывались кирпичные дома, с односкатными крышами, поверх коих надстраивались точно такие же жилища. Наверху, вдали от сырости и находился их ночлег. «Ну вот и милый дом». Осталось подняться наверх. Внутри

по восходящей вели разноразмерные ступени. Каждый этаж заканчивался перекрестком, отводящим в квартиры, то налево, то направо, то вниз, то вверх. Амалия рассматривала известковые натеки на потолке. Ближе к «верхам» те попадали, и перекрестки-коридоры приобретали индивидуальные черты, роспись или резку по камню. Развилки походили на домовые лестничные площадки с острова Цепей. Хотя, здесь они ограничивались отдельным многокрышим зданием-платформой, на котором как грибы «рассаживались» иные поменьше. Амалия свернула на развилке, переступая высокие порожки. У входа ошивался защитник. Девушка пообещала созвать постояльцев, чтобы он объяснился, зачем ему надобно караулить под дверью, и тот, поклонившись, удалился.

— Кажется, они в курсе, кто тут прячется, — проговорила Амалия, защелкивая на щеколду двуслойную дверь с шумодавом.

— Было бы так — давно вскрыли, но их что-то остерегает. Значит, пока нам беспокоиться не о чем. Сменив место, мы их спугнем, и тогда они наверняка поймут, что коли бежать — так есть от чего. Потому — сохраняем спокойствие.

Амалия заметила, как он сам нервничает, выкладывая эти слова.

— Ты что-то задержалась.

Амалия объяснила, как ей «всучили» послание.

Неизвестный нахмурился, прочитав письмо. Лейм пред-

лагал ему пост легата, подкупив часть выборщиков. Тогда он получит доступ к парадной цитадели и почтовой службе, а оттуда уже, ориентируясь по обстановке, добудет и восковую печать. «И откуда у тебя взялись круглые суммы, Лейм?» — прошептал Неизвестный. Оторвавшись от перечитки, он оглядел себя в зеркало над умывальником — шрам еще заметен, да и скроется не скоро. Хотя «усилия», прилагаемые меткой совместно с иридиумовой мазью и добавкой в виде кристаллической пыльцы, ускорили процесс. Отчасти ему повезло, одной из дополнительных способностей метки, как и у Йома, оказалось ускоренное заживление ран, пусть и в меньшей степени. Вернее, его бывший друг обладал заживлением. У Неизвестного же, из-за возникшей обратной связи с голосом, провоцировался ускоренный обмен веществ на лице, затягивающий порезы. Отсюда и быстрый рост волос и щетины, которые он, до поры до времени, ежедневно состригал. С глубокими ранами, конечно, не совладает, но, Неизвестный вел себя осторожнее и реже попадал в передряги.

Неожиданно по Кольцам разошелся скрип, а за ним последовал отточенный голос из громкоговорителей: «Внимание, сограждане, введен комендантский час. Просьба покинуть улицы вплоть до дальнейших указаний». Неизвестный прильнул к окну. Вначале люди замерли, а затем бросились по домам, барабаны в двери и окна. Улицы расчистились за считанные минуты. После чего из граммофонов полилась стройная успокаивающая музыка, а со спущенных от «кай-

мы» кратера лифтов сошли две сотни стражников, начиная прочесывание местности. Разбившись на отряды, они расхаживали по улицам. Руководил офицер в белом мундире, выискивающий нужные номера домов и сверяя их со списком. Когда они попадали на необходимую улицу, часть солдат вырывались вперед, блокируя пути отступления, а остальные штурмовали входы. Они выламывали ногами двери, проводя быструю зачистку, после чего, выволакивали «нарушителей» и сгоняли в шеренгу на Верхнем Кольце. Вот, отряд приближается к дому, где укрывался Неизвестный. Он попросил Амалию быстро собрать вещи и заправить кровати. Затем, почистив обувь, он обнял ее, и включив плащ теней, они вылезли через окно напрямиком на скатную крышу, где, отползая в сторону, уперлись ногами в водосток, замерев в ожидании. Внизу слышался звук роняемой мебели, ругань, прерываемая палочными ударами, затем тишина. Чей-то вопль, отчетливо жесткий голос офицера, звук сбиваемых с ног, падение, тишь... и... прямо под ними распахнулась дверь. «Протекторы таки что-то учуяли» — подумал Неизвестный, и, в подтверждение его слов, по улице не торопясь заскользила невысокая фигура в зеленом плаще. Неизвестный стиснул зубы от ярости — едва протектор поднимется в комнату, то тут же заметит, что ее оставили совсем недавно, и уж явно додумается заглянуть за окно, где увидит левее, метрах в пяти, тени без их владельцев. Из здания выволакивали молящих о пощаде нарушителей и укладывали с руками за голову на зем-

ле, а защитник беззаботно перешагивал их, иногда наступая на руки или ноги, и выкидывая безразличное «извиняюсь». Перед самой дверью он неожиданно поднял взгляд наверх, и Неизвестный едва не выругался — метка! У него метка! Он его почуял! Неизвестный огляделся в поиске плоской металлической поверхности, за кою «зацепится» магнитный диск, и, заметив таковую, выводящую на выпирающий боком за пределы ограждения мансарду, распустил веревку-провод и метнул диск. Тот смачно щелкнул, но Неизвестный незамедлительно обхватил Амалию за талию, и прыгнул следом. Девушка только и успела обвить его руками, после чего последовал сильный удар.

Перелетев на противоположную сторону улицы, он уперся ногами в хлипкую пристройку, выше которой и начиналась покатая крыша. Окно с их комнаты распахнулось, стражники взирали на осыпавшуюся часть штукатурки, вода стволами ружей вокруг. Неизвестный замер. Хорошо, что свет шел сбоку, и тени отбрасывались в глубь улицы, а сливающаяся с цветом стены веревка так и застыла на месте. Слух его обострился, он услышал вошедшего протектора, раздающего команды, стража отвлеклась, — «пора!». Он коснулся особым образом до веревки, и та подбросила их напрямиком к диску вверх. Когда Неизвестный дотронулся до створок окошка, те податливо уступили. «Точно скворечник» — подумала Амалия, переступив через подоконник и оглядывая душный уголок со скошенными потолками. Наваленная мебель с плот-

ным слоем пыли — тут давно никто не жил. Позади разгорячился воздух, Амалия мигом затворила окно. «Похоже, протектор понял, что они покинули номер, и велел произвести внеплановую сушку», — сказал Неизвестный, и правда — за окном уже скапливался густой дым, обжигающий легкие. «И где же здесь тумблер вентилятора?» — подумал он, прикрывая рот рукавом плаща. Не хотелось тратить драгоценный ресурс маски, но переключателя нигде не находилось. Амалия уже облазила углы, тогда он передал ей завернутую в кожаный сверток маску, и они нацепили их на лица. Просушка может длиться до часа, а то и двух, Неизвестный подумал проверить первые этажи — быть может, на них кто-то живет, но вслед за комнатухой шел просторный чердак, заставленный мебелью. Покрытые тканью шкафы, прямоугольные столы, тумбы, прогнившие стулья. Миновав помещение, он раздвинул загораживающие ход шкафы, и по самодельным ступеням они переместились в герметичный пристрой. Из-за стен гремели предупреждения на повторе: «Комендантский час! Запрещается перемещение по улицам. Всем оставаться на местах, объединение в группы наказывается».

Полупустой дом. На столе беспорядок, интерьер порос паутиной, на этажерках накиданы дырявые маски, а в углу, подле камина... сиплое дыхание. Неизвестный дал знак Амалии не двигаться, а сам, доставая меч, обошел преграждающий прятавшегося человека, стол. Старик. И тут в памяти его кое-что проскользнуло, и он, невзирая на безобидный

вид последнего, с яростью прижал его к кирпичной кладке.

— Не похож ты на покойника, Лосьен. Уклонился от правосудия, мерзавец?

— А девчушка, вижу, с тобой, жива и невредима, — кряхтя пытался он отодвинуть от шеи меч, обхватив рукоять.

— Нас едва не прикончили твои сообщнички на пару с братьями Морсами.

Старик уже кряхтел, и Неизвестный заметил, что переборщил. Упав на пол и отдышавшись, он отер рукавом заслюнявленный подбородок

— Все знают старика Лосьена, как лгуна и обманщика, но мало кто ведаёт о его прошлом, ибо никому не важно прошлое. Все без оглядки и без сожалений, куда нам, старикам угнаться за вами! Вам светлое будущее подавай, да с приправкой из горчицы, чтобы вставило наверняка!

Он перебрался на кресло качалку с поломанной ножкой. То прогибалось под его весом, хотя старик и был худ. Зашевелив пальцами по набросанным на полу коробкам, он поднял одну и вытряхнул содержимое — шарфы, обвязал вокруг шеи, и накинул на грудь плед. Неизвестный не мешал, торопиться некуда, он пододвинул к старику стол и уселся туда, а Амалия расположилась поодаль, поглядывая за окно.

— Ну, как ты, голубушка? — обратился Лосьен к Амалии, но та даже не повернула головы, а губы плотно сжались.

— Оставь ее в покое, — нахмурился Неизвестный, — и сообщи-ка лучше, как ты избежал петли.

Под неторопливый разговор он выяснил, что Лосьена отпустили по возрасту. Как прощенный, он мог заменить кого-то из висельников, и по уговору с Оливером, тот бы содержал его сына, но старик передумал. «Мой мальчик и без того настрадался, веревка облегчила его участь, толку ощущать дряхлость в членах, когда тебе не стукнуло и тридцатки?» Амалия ужаснулась, и с отвращением впервые поглядела в глаза старику, но тот выглядел подавленным. «Сынка то я любил, да нет ему спасения, привлекли в итоге за соучастие... Не припомню разве что лорда Генри. Хотя и видал там кого-то в его одежде». Старик плотнее завернулся в плед, по коже расходились крупные мурашки, а со рта сочился гной. Скрюченными пальцами он выискивал что-то по карманам одежды, но вот, дрожь ослабла, и он затих.

— Как видишь, досталось мне сполна, — проговорил Лосьен, когда бледное лицо налилось румянцем, — «людей губит или нищета, или избыток счастья» — говорится в святилищах протекторов. Полагаю, поочередно и первое, и второе.

В комнату просачивался запах гари, старик мотнул головой в сторону окон, и Амалия, заметив его посыл, надавила на «брови» над ними. Опустились герможалюзи, плотно прилегающие к оконным рамам. Темно, Неизвестный хотел было запалить газовую лампу, но Лосьен попросил его «потерпеть», «через пол часа нам нечем будет дышать, вентиляция не работает, а труба от камина запаяна». Снаружи слы-

шались глухие окрики, неразборчивое бормотание да топот стальных сапог.

— Вот и я думал, что не найдут, — не замолкал Лосьен, — а камин шикарный! Подписан каждый кирпич — привез из своей родины мой брат, — он сошел на шепот. — Двое братьев, мать да сестра. Отец наш устроился работать на консервный завод, где клепали рыбные консервы из речушки да чугунные карги. Через год наша семья уже не могла переносить рыбный запах, кроме собаки с кошкой, разумеется, — он рассмеялся вздохом, — животные были просто без ума от мясного питания, ведь дотеле им доводилось пробовать лишь просушенные водоросли с креветками да перемолотое зерно. Братья пахали обходчиками железнодорожных путей, устроились видите-ли в Торговой Империи! Хвалились, какая опасная работа — сторожить днем в стоградусной жаре и ночью в лютом морозе...

— Ты бы сообщил что-то полезное, или умолк.

— Разумеется, — Лосьен приободрился, приняв важную позу, какую только возможно сделать на разваливающемся кресле, — Многообразные печати для островных лордов изготавливают в темплстерской сталелитейне, откуда их рассылают на собрание лордов Севергарда, где те получают свои полномочия, так что... подыскивай себе замену в плане или же плыви в Темплстер.

— Как ты узнал?!

— Для этого не надо быть гением, канцлер подсылал сво-

их людей, когда ты ушел. Те провели допросы всех заключенных в поисках печати. Куда бы она могла деться? Я то до сего момента думал, что Оливер ее припрятал и приберегал для себя, а вон оно что! Иначе на кой тебе этот общипанный остров? Голые скалы да сборище рудокопов...

Внезапно вмешалась Амалия

— Пробиешь спасти свою шкуру? Думаешь, откупишься сведениями и Неизвестный тебя отпустит?

— Твою подругу так и раздирает от злости, чем Оливер не угодил вам?

— Сговором с Морсами, и, вероятно, с Йомом и Тенью.

— Думаю, для него это было бы новостью.

— И где же он прячется? В соседней комнате? Острове?!

— Неизвестный снова было стиснул старика, но тот залился кашлем, выплевывая мутную слизь.

— Пока я еще дышу, запоминай... — Лосьен остановился, переводя дыхание, и продолжил, — ограниченный срок использования печатей нередко обеспечивал полную явку на собрания, а сложность изготовления не позволяла сделать подобное на своих островах. При этом «завод» по производству и выпуску печатей охраняет императорская гвардия, а не местная стража. Смекаешь?

Подошла Амалия

— Ведешь нас в ловушку?

— Нет, дура! — выкрикнул старик, и получил по губам.

Охнув, он обиженно глянул на Неизвестного, а затем на нее.

— Ты забыл, что мы боле — не товарищи, — произнесла Амалия.

— Объясняйся, Лосьен, если нам и не к спеху, то тебе — явно надо больше воздуха.

— Превратился из доброго дяди в политического выродка? — старик замер на полуслове, вжимая голову в плечи, — это значит — все лорды у тебя как на ладони, главное — успеешь к их сборам. И твори свое... «правосудие»... А гвардия и не подумает отлучиться от хранилища, у нее приказ один — сторожить, и оловянные солдатики с радостью его исполняют, пусть вокруг кипит война — они стойко отстаивают честь престола!

— И зачем тебе поддерживать чьи-то планы?

— Все дело в мести, хоть кто-то отыграется на засранцах, разоривших мою семью.

— Мне казалось, вы не из дворянства.

— Так и есть, — старик хотел что-то прибавить, но залил кашлем, а со стороны входа в чердачную «квартиру» послышалось скорое перестукивание. Обострившийся слух Неизвестного уловил учащенное дыхание. «Их вычислили!». Он схватил Амалию за руку, глянул на Лосьена — развалился, закатившиеся глаза... Он явно не в себе. Тащить на плече быстрее, чем их настигнет стража он не сумеет.

— Прости, старик, и спасибо за услугу, — проговорил Неизвестный, и, сняв плащ теней, отдал его Амалии, — надевай скорей, он так же вытряс из мешочка монеты и пере-

дал ей. «А ты?», «Протектор может заподозрить неладное, с отрядом стражи я не справлюсь, а бежать... — Неизвестный выглянул сквозь щель жалюзей, — нам некуда». Входная дверь контролировалась отрядом стражи, протектора не было видно, а на улице маршировали двадцатки — отряды из двадцати солдат. Когда Амалия надела плащ, Неизвестный удалился в глубь помещения. «Это позволит ей ускользнуть, когда все внимание будет приковано ко мне. Надеюсь, она помнит, как надо дышать... Плащ хоть и гасит звуки подле себя...»

Но, вместо стражи и протекторов, в комнату зашел просветитель. Длинный белый плащ с позолоченной драпировкой на швах, а под ним облегающий тело для облегчения движений костюм с двойным поясом, где гнездились всевозможные приспособления. Он снял дыхательную маску — прилизанные волосы, посыпанные какой-то стружкой, придающие им позолоту.

Услышав кряхтение, просветитель улыбнулся и расправив правую руку, из рукава выскользнула рукоять, которая мгновенно разложилась в какой-то хлыст. В левую он приспособил меч. Тот так же имел изогнутое лезвие. Неторопливо обойдя шкафы, он резко повалил один на пол, но кряхтение повторилось, тогда, выйдя из тамбура, просветитель поддел ногой старика

— Что же? Бросили тебя? — спросил он вслух, и... меч погрузился ему в грудь, Лосьен разомкнул глаза, пытаясь

схватиться за причиняющий боль предмет, но просветитель резко отстранился, а затем — вытер о валявшийся на кресле-качалке плед лезвие.

— У тебя пол часа, приступ мы сняли, — просветитель убрал меч в ножны, — сам расскажешь, куда делись товарищи, или мне продолжать? — он приблизился к старику, замахиваясь кнутом. Тут то Неизвестный и не выдержал, он беззвучно нанес удар, тонкая струйка крови, а лезвие застряло под плащом. Просветитель молниеносно развернулся, а увязнувший меч Неизвестного отлетел в сторону. Не теряя времени, он выхватил с пояса нож и бросился на просветителя. Но хлыст в секунду обвился вокруг его кисти и затвердел, подобно стальному силку, куда угодила птица. Перехватив инициативу, просветитель напряг мышцы рук

— Наконец-то! Я думал, ты так и пропрячешься, и нам придется сыграть в игру. Стоит выразить благодарность протекторам — их броня потрясающе сдерживает удары, вот раздобудем плащ! — просветитель отвел руку налево, и Неизвестного ударило о стену, затем направо, и он «вмазлся» в шкаф, роняя на себя стопы книг, а хлыст адаптировался к ситуации, то слегка вытягиваясь, то сжимаясь, то смягчаясь, то твердея. Единственное, что не менялось — сила сжатия его руки. А его длинна не позволяла добраться до владельца. Он пробовал обвить его ногами, чтобы затем, толчком сбить с ног, но тот не давал ему время скоординироваться и обрести точку опоры. «Что за чертова штуковина?!»

— пронеслось в его голове, когда он в очередном падении разломал кресло-качалку под собой. На Безымянном просветители не обладали сими технологиями, его мотало как игрушку, и это не позволяло опомниться. Удар-боль, удар-боль, треск-удар, и так без конца. Он уже плохо различал, где верх, а где низ, когда внезапно просветителю наскучило сие мероприятие, или же, устали руки. Неизвестный разглядел, как тот запыхался, а лицо разгорячилось. И вот — кольцо размыкается, Неизвестный валится на пол, перекатываясь в сторону, а тот... Перекидывает через стальную рейку под потолком хлыст, который... ухватывает Неизвестного за ногу, и вздергивает вниз головой. Вспыхнуло клеймо, озарив на миг напряженное лицо Неизвестного.

— Кого я вижу! — вскричал просветитель, — клейменую...

Треск. Едва успев отбить метательный нож, он выпустил из руки хлыст, который сиюминутно обмяк, а Неизвестный, падая, метнул следующий, который и угодил в цель. Просветитель зашипел от боли, но таки вынул меч, а Неизвестный притянул хлыст к себе. «И как этим пользоваться?» — по сути, в остальном он оказался практически безоружен. Револьвер валялся в рюкзаке у Амалии, как и запасные ножи. Он взмахнул им, устремляя к просветителю, но тот с легкостью его перерубил, и бросился на сближение. Неизвестный еле успел уклониться, опрокидывая стеллаж, и проскальзывая под столом. «Надо увести его как можно дальше от Ама-

лии» — подумал он, но вдруг, пред ним двери сами по себе захлопнулись. Он обернулся — метка на лбу просветителя полыхала желтоватым оттенком.

— Как видишь, и я с тузом в рукаве. Ты испортил мой Ро́тарн, знаешь, как он восстанавливается? Берется кожа вокруг метки и кусочек мозга, — просветитель нанес удар, рассекая Неизвестному плечо через плащ, он еле отклонил последующую атаку, перехватывая просветителя за локоть — опасное сближение. Пинок ногой, после чего свист лезвия прозвучал в сантиметре от уха. Увильнув, Неизвестный сбросил плащ, освобождая руки, просветитель повторил за ним, оставаясь в некоем полу-пиджаке, полупальто. Метка его сверкнула, и пол под ногами Неизвестного затрясся, а с потолка осыпалась краска. Атака — он отскочил, и просветитель взвел с пояса однозарядный мини-арбалет, но тут его же способность сыграла с ним злую шутку. Прямо на его голову свалилась надломленная арматура, а Неизвестному только и нужна была передышка — он выбил из руки оглушенного просветителя меч, и ударил по лицу.

Вбежали солдаты, и тут Неизвестный воочию увидел всю мощь метки просветителя. Какие-то невидимые тиски было обхватили его изнутри, но метка Неизвестного вспыхнула, и отраженная сила... настигла вспомогательный отряд. Звук спахивающейся коробки и... ошметки мяса. На них как бы обрушился незримый пресс весом с тонну.

Просветитель же застонал точно старик, и рухнул в бесси-

лии. А пол под убитыми провалился, увлекая за собой треть здания.

Глава — 7 — Ульф

Сквозь распахнутый балкон, мимо прозрачных штор до пола, в опочивальню проникал теплый воздух. Ульф открыл глаза на рассвете. Салиса молча ждала, когда он проснется. Глядя на сонное лицо жены, сбившиеся локоны и растрепанные одеяла, едва прикрывавшие естество, он притянул ее к себе, но, вспомнив о неотложных делах, отстранился, накидывая на голое тело пурпурную мантию из бархата.

— А в торговой империи обожают золотой цвет, — заговорил Ульф, и вошедший поверенный дворца прибавил:

— Какое расточительство! Тратить на походную одежду...

— Ты не ошибся местом, Ен?

— Прошу простить, — Ен отклонялся до пола, и, замерев в ожидании, рассматривал настенный барельеф, изображающий победное шествие Уиффа — отца Ульфа, на фоне Древ Наследия. «Лесопилки скоро отработали» — подумал он, вспоминая, как император Шешшен уничтожил веру народа, вырубив тысячи лесов под корень. Наконец, Ульф завязал мантию на восемь поясов

— И как вы это носите при такой жаре? — спросил он, чувствуя, как тело медленно прееет, шея обливался потом, а плечи едва втиснулись в приталенную одежду. «Еле продохнешь».

Однако, прием гостей во дворце полагалось осуществлять в титульной мантии, и Ульф собрался духом, благо дальше следовала открытая терраса, прекрасно продуваемая южным ветром. Он окинул рукой открывшийся вид. Пенистый лес колыхался в легком перешептывании листьев, а поодаль виднелась горная тропа.

— Надеюсь, я оставляю остров и жену на попечение в достойные руки, он резко поглядел в глаза Ену, черты лица заострились, — я рассчитываю на тебя. Позови-ка Кассия.

Ульф спустился по ступеням во внутренний двор, примыкавший к крепостной стене, где меж толстых колонн и арочного моста располагалось присыпанное песком поле для тренировок. Из амбара напротив вышел Кассий. Коротко остриженный и в легкой кожаной куртке-безрукавке он поигрывал мышцами, блестящими под ярким облачным небом. Заметив Ульфа, он подтянул на левой руке протез и направился к бочке, смывать с лица сажу.

— Как там Костер и Клейм? Я бы хотел взглянуть, чему научились сыновья в мое отсутствие.

— Прибираются после тренировок.

— Опять запряг их чистить конюшни? — рассмеялся Ульф, — ничего, даже детям лорда надлежит повозиться в грязи, иначе привыкнут к роскоши. Пока они обсуждали за чарками вина с Кассием планируемую поездку в Севергард и конфедерацию торговцев, рассчитывающих заселять Мерзлые Земли, из амбара выбежали наперегонки Костер и

Клейм. Старший в мать с волосами цвета пшеницы, а второй, как и дочь копировали каштан отца. Дети протянули отцу оружие. Он оглядел их мечи — все в выбоинах и глубоких царапинах.

— Скоро пора заменить тренировочное оружие на настоящее — проговорил Кассий, и Ульф уже представил перед собой возмущенный и полный укора взгляд жены. Костер и Клейм выжидающе вперили в отца взгляды — думаю, уже пора. Едва он закончил, как оба бросились к отцу на шею. Им не терпелось опробовать настоящие клинки в деле.

Их учитель — Кассий, был выходцем из ордена защитников. Его отправили из Святилища в странствия по настоянию лорда-протектора. Он видел, как тот страдает вдали от родины, и отпустил его, под условием, что тот никогда не забросит практикование учения. С Ульфом они были близкими друзьями, и тот всюду брал его с собой, и как советника, и как телохранителя. Его лезвие несмотря на долгие испытания временем и поединками не утеряло первоначальной чистоты, но он так и не раскрыл секрет материала, из которого оно сотворено.

Ульф ответственно относился к воспитанию детей, потому после военного дела они занимались в письме и речи, изучали географию и политику. Его дочери же — Мелисе — прививали светские манеры и умение говорить на разных акцентах, дабы у жениха, откуда бы он ни был не возникло трудностей при общении. Хотя он и настаивал на том, чтобы

будущим супругом ее был житель южных островов, или же Коргора. Оставался еще один вариант — его одинокий друг Варлон — она как раз отвечала характерам к его запросам, но согласится ли он, когда ей стукнет шестнадцать — взять ее в жены? Слишком юных девочек тот «недолюбливал».

Оставив сыновей, они прошли с Кассием в клуатр — крытую галерею, с декоративным садом по центру, окруженную «коридорами», отделенными от сада бортиками, на которых до потолков росли колонны с росписью. На обустроенных со спинками скамьях остывали слуги. Дворец имел естественную систему вентиляции, модернизированной технологиями, ведущими забор воздуха у подножий Замка, и прогоняющих его через полую холодную пещеру вниз. В результате часть помещений прекрасно подходила для отдыха после изматывающей жары. Хотя, по сравнению с Империей Солнца у них климат куда приятнее — как то отметил Кремирский посол, прибывший год назад оттуда с предложением.

В садах, как и рассчитывал Ульф, проводила время Мелиса. Рядом с его дочерью сидела бабка, обучающая ее шитью. На коленях и вдоль всей скамьи была разложена ткань. Мелиса излучала ореол красоты и легкости, а веночек из сплетенных воедино продолговатых фиолетовых лепестков придавал ей образ некой сказочной принцессы. Аккуратный овал маленького личика обрамляли пышные спиралевидные локоны с длинными прядями волос. Она так увлеченно исполняла какой-то узор, следуя указаниям женщины, что не за-

метила, как подошел отец. Заметив лорда, бабка удалилась с реверансом, а он поинтересовался — не наскучивает ли ей общество старых людей, когда в ее возрасте предпочитают молодых, на что получил ответ, что мать ей не разрешает покидать стен дворца после заката, и она выражает сим свое недовольство.

— И куда же тебя приглашают? — поинтересовался Ульф, но девушка уклонилась от ответа:

— Не в том суть! Говорят, на торговой площади проводится распродажа украшений, и там есть перламутровое кольцо с желтым бриллиантом, мне подружки сказали!

— Хорошо, беги, — он погладил бросившуюся на шею девушку по спине, — но не набирай чересчур много, все равно все их ты переносить до следующего сезона не успеешь.

Доходы от торговли в текущем сезоне позволяли раскошиться на подарки. Проблема боле состояла в том, что, кроме дочери, сыновья ничего шибко и не желали. Им подавай приключения, открытия, неизведанное, новое. Они хотят повидать Остермол, Темплстер, Поднебесья, Сонтейв, Мерзлые Земли, победить морских пиратов... Родной дом ужасно наскучил, за десять лет они облазили все потайные ходы и пещеры, и, знали кратчайшие пути в любую точку острова. Ульф обеспечил им бестревожное детство, но считал, что детям еще рано погружаться во вселенскую грязь. Пусть вначале целиком и полностью освоят земли своего дома и ближайших соседей, разберутся в собственных чувствах, а, лишь

затем отправляются в дальние странствия. Его беспокоило, что Барданор, прознав о патенте на взросление, может призвать Костера в гвардию. Пусть капитаном, пусть даже в столичную — потом бед не оберешься, поскольку когда-то эта гвардия опустошала его земли, пока не была отброшена его отцом Уиффом, и империя не заключила с ним пакт на вольное служение. Пускай окрепнет их ум и дух, и, когда посторонние влияния будут не в силах изменить их мнения о доме, он отпустит их со спокойной душой и чувством выполненного долга.

Они прошлись до оружейной. Тут их нагнал посыльный: — Ваше величество, мастер над монетой Империи Солнца...

— Передайте этому женоподобному отродью, что я с евнухами дел не веду. Пусть предоставят мне для переговоров мужчину.

— Хорошо, как и договаривались, — господин нынче занят важным и неотложным делом, но, когда найдется время уделит ему долю внимания со всей страстностью и рвением.

«Господин...» — это слово звучало в голове Ульфа как-то неестественно. На их острове искони презиралось рабство, как пережиток отсталой культуры и варварства, а когда он узнал, будучи юношей, как Торговая Империя наживается на долгах иных островов, впал в ужас и отвращение. С годами он стал более терпим к проявлениям «иноземных привычек», но отнюдь не позволял им приживаться в своем до-

ме. Пройдя мимо торговых врат, они повстречали выстроившуюся цепочку стражи, проверяющей содержимое носильщиков. Те заходили попарно во двор с объемными тюками за спиной — спрессованными листьями, которые пойдут на чай. Тюки «насаживались» на стержень, на который носильщик мог опереться в дороге, слегка откинувшись назад, чтобы передохнуть от сильного веса. Он немного понаблюдал за отдаваемыми офицером распоряжениями, и, подойдя к столу у входа подписал продление его полномочий на год.

Они остановились напротив изолированного крыла дворца, куда допускались только представители правящих семей. Чаши с бьющими фонтанами распускали на пруду по обе стороны узкой каменной дорожки крупные круги.

Как только Ульф вновь заговорил о Мерзлых Землях по коже Кассия пробежали мурашки. Он бывал там однажды, и этого оказалось достаточно, чтобы обморозить кожу, навсегда потерявшую природную красоту, и отморозил конечность.

— Собирай вещи, — закончил разговор Ульф, — я раздам указания, навещу жену, и уходим с рассветом. У тебя есть достойный кандидат на замену?

— Найдется.

— Если он устраивает тебя, то сойдет и для меня, — улыбнулся Ульф, а затем разослал страже указания о том, что на время его отсутствия дворцом и островом заведует его жена — Салиса, а помогают ей в этом назначенные Кассием со-

ветники.

Едва Ульф ступил на веранду и присел на край мягкой постели, как она разразилась в крике

— И ты уезжаешь, предупреждая меня накануне?! — Салиса была в некотором шоке.

— Что случилось, глупышка? — спросил Ульф, опускаясь на кровать и мягко дотронувшись пальцами до ее губ.

Она отвернулась от него, демонстрируя обиду.

— Я вынужден отъехать в Севергард по запросу императора.

— Мы в такой отдаленности от империи... Ты бы мог послать его, и пока он отправит тебе ответ и у него найдется на то минута разгребать одно единственное письмо среди сотни других... более важных территорий... Пройдет полгода, а то и больше.

Он внимательно ее выслушал, снова погладил по щеке

— В этот раз все серьезней. Намечаются значительные сделки и союзы...

— Ох, снова сделки! Только не говори, что мы продадимся торговцам! — она замолчала, но, не выдерживая паузы, продолжила, — и кто будет помогать мне, пока ты возишься с государственными тайнами?

— Имена огласятся позже.

— То есть тебе они неизвестны.

— Я полагаюсь на чутье Кассия.

— А моему то не веришь!

— Ты снова о столичных опасностях или лорде Медварде? Он не может справиться с волнениями на собственном острове. Ни о какой опасности не идет и речи. Тем более, что я направляюсь в Остермол, а не на остров Роз.

В иных случаях она бы вспылила, но вспомнила, что ее муж в отличие от прочих островных лордов не держал ее аки птицу в клетке. И за то она была ему благодарна, прощала ему холодные речи и глаза. А он разрешал ей все, чего может пожелать женщина, и ей... стоило многих усилий удерживаться от злоупотреблений. Например, кулон обошелся ей в семьсот золотых имперских голов, что по прикидкам казначея — чуть меньше месячного обеспечения дворца. И, хотя, Ульф незамедлительно был уведомлен о тратах, он лишь лениво отмахнулся — мол, пускай тратит на что захочет, ему все равно их некуда приспособить. Рабочие заняты до отвала, не хватает рук, а не материала. А еще он часто размышлял над биографией Барданора, поскольку в последние годы сам существенно изменился. Он перерос того добродушного и прямолинейного мальчика, и изредка Салиса на пару с дочерью говорили, что он для человека, не живущего войной подобного его отцу, избыточно суров. «Но что поделаешь в этом мире, где каждый потенциальный союзник завтра может обернуться злейшим врагом?»

Про императора расхаживало немало слухов. Часть из них сообщали, что, будучи упертым перфекционистом, тот всегда стремился к реализации своего мнения, невзирая на по-

следствия для ближайшего окружения. Ради контроля над ситуацией в политике он выявлял крайние формы эгоизма, вплоть до уничтожения оппонентов и настройки тотальной слежки через орден Просветителей и Рассветную Скрижаль. Первоначально он скупил слухи чтобы успокоить жену, но позже его так увлекло изучение недостатков императора, что он потратился и на выкуп информации о членах его семьи, чем и был потрясен. Бывшая жена Барданора являлась вылитой копией Салисы, и точно предупреждение — в момент, когда он получал сверток с «новостями», прогремел сильнейший гром и в древо наследия по соседству ударила молния, спалив его дотла. Тогда он подумал о том, что нет чести в раскрытии чужих грехов. Ведь кем он представлялся для граждан Остермола? Дикарем, промышляющим войной, неподконтрольным бунтарем и мятежником против государственного порядка. Совпадали ли полученные им сведения с истиной? Да и так ли нужна эта «истина»?

Бывало, он задумывался о своих поступках, кои привели пять лет назад к гражданской войне, пусть и закончившейся победой и миром. О вынужденных жертвах, не дающих покоя, о надеждах тех, кто с точно такой же уверенностью, как и он — выбирал противоположную сторону. К чему все эти напрасные противостояния на общей для них всех земле? Мало бы кто ожидал увидеть под маской решительного человека какие-то присущие его душе колебания. «Перед отправлением надо оформить приказы и не забыть разослать

птиц» — подумал он, и, поднявшись на второй этаж дворца по обхватывающей колонну лестнице, уселся за письменный стол. Рядом, в птичьей клетке, за ним наблюдала белоснежная сова. Он просунул ей на палочке корм. «Ну, как ты? Готов к путешествиям?».

Глава — 8 — Салиса

Салиса проследила за силуэтом удаляющегося мужа, после чего еще с час нежилась в кровати, вдыхая аромат цветочных лепестков, проникающих сквозь легкую дрему в чуткие ноздри. Лазурное небо постепенно обретало светлый оттенок, а генератор солнца на крыше дворца стягивал дневной свет и преобразовывал в полупрозрачные лучи, пучками расходящиеся с потолка чрез каменные ракушки по хоромам. Сами ракушки имели золотистый цвет, и пропускаемые ими лучики так же приобретали легкую и нежную согревающую теплоту. Порой Салиса закрывала глаза и представляла, как нечто величественное и прекрасное источало схожий блеск и сияние, только вдалеке, с неба, где ныне кроме туч да облаков не видать боле ничего. «Каким оно было — первозданное солнце, озаряющее мир? И чья рука лишила народы небесной милости?».

У занавесов прозрачная ваза, где в подкрашенной голубым желеобразной воде распускался многоголовый букет пышных роз. Ей вспомнилась первая брачная ночь — мать наущала дочери — «закрой глаза, когда окажешься с ним в спальне и думай о доме, думай о Сонмире, а чувства придут после». «Хоть в чем-то она была права» — подумала Салиса, вспоминая ее отношение к себе.

Салиса оделась и вышла на балкон осмотреть владения

мужа. Ночами она частенько отворяла окна, пока Ульф спал, и, опершись на локти, смотрела то на звездное небо, то на перекатистые волны в лунном отблеске, то на зачаровывающие горы с рельефными склонами, обмокаемыми в туман с зеленоватым заревом, источающим миллионами горных светлячков.

Если пройти по границе дворца до выходных дверей с обратной стороны, можно услышать шум прибоя, и плещущихся птиц, стекаемых в маленький и уютный залив, где ежегодно выются сотни гнезд.

А от разноцветного сада, омывающего стены дворца, расползались пурпурные гирлянды, подсвечивающие тропинки, пригодные для прогулок. За садом виднелось русло реки, куда сходились воды с садовых фонтанов. Скрываясь у подножий гор, русло впадало в кристально чистое и холодное пещерное озеро. Вода там, как то запомнила Салиса, подобно горному ручью, леденистая, освежающая и вместе с тем вкусная, точно в ней намешан жасмин и какой-то непонятный сладко-кислый фрукт. У завитых узорчатых крыш дворца раздавалось щебетание. Она подняла голову — слетелись «на кормежку» молодые пары, с земли стрекотали орды кузнечиков, ей стало невмоготу стоять здесь, посреди камней, и страстно захотелось спуститься ближе к природе, дабы ощутить всю прелесть ее дыхания, охватывающую бесконечным отливом красок и холмистых перекатов на пологих склонах, засеянных виноградными полями и розовым вереском, ду-

гой обходящем зеленые гребни пары сопок. Меж них в пшеничной лощине проделывал вираж монорельс, по которому вскоре пустят первый локомотив, при условии, что в следующем году договорятся с Севергардом о разовой закупке поезда. Она уже представляла какво это — ехать на пересекающей гряды впадин, отрогов, насыпей и полей, стальной силой, неиссякаемой и так притягательной. На последних мыслях ей припомнились могучие гривы железных коней, носящихся на воле без усталости и печали, полных силы, черпаемой из каких-то кристаллов, заключенных в их сердце. Так ей рассказывали когда-то, в глубоком детстве, будто нашелся алхимик, ожививший сталь с помощью некоего камня, вдохнувший в кусок металла жизнь, превосходящую дотеле живущих существ. Будучи искусным мастером, он нередко проводил годы в одиночестве, упражняясь в искусстве владения собой, проживая на одном из оазисов близ огненных земель Сонтейва. Алхимик выведывал тайны природы, самозабвенно предаваясь петлянию по оазисам в дикой пустыне, он почти покорил свой нрав и волю, пока вдруг случайно не повстречал Корсарскую принцессу в сопровождении вооруженного каравана. Девушка так глубоко запала ему в душу, что он непременно порешил овладеть ею, ибо годы воздержания от женщин сводили его с ума. Но в большей степени он страдал по их эстетически-прекрасным пропорциям, кои он нередко вырисовывал на стенах дворцов, за что и был изгнан из крупнейшего города в Торговой Импе-

рии. Так, бродячий художник и, по совместительству, новоиспеченный алхимик, получивший базовые знания по зельеварению и смешиванию эликсиров у одного из странствующих торговцев, отправился в дальнее странствие без цели, но с глубоким вдохновением отсутствия смысла. Его прежняя страсть к разгульной жизни переместилась на почву прекрасного, и, воплощая свои желания на полотнах, он обрел большую популярность. Но, по мановению злого рока, на царском приеме ему довелось влюбить в себя дочь коронованного Златого Короля, за что ему было обещано срубить голову, но та вступилась, и все обошлось лишением гражданства. Что же касается Корсарской принцессы, кою он встретил десятилетия спустя, то ее облик так и напомнил какой-то фрагмент, отложившийся в его душе с дальней юности. Приглушенные чувства медленно оттаивали, и вот, он вновь принялся за былое дело. Алхимик не спал семь дней и ночей, пока чудо сотворения не предстало пред ним во всем великолепии, да так, что он подивился делу рук своих, и не мог сдержать слез. Но вскоре помрачнел — пред ним находилось пусть и уникальное создание, но всего лишь камень, и как бы он не вселял в полыхающее сердце надежду, камень неподвижно молчал. Он часто разговаривал с ним об их совместном будущем, ибо не мог смириться с невозможностью получить лелеемую им мечту — живой образ идеальной красоты. Он бродил вокруг статуи, распевая стихи, ночью беседовал с ней под треск костра, а поутру прощался, уходя на

поиски воды и пропитания.

В ней присутствовало все: и эстетической наслаждение, захватывающее дух, и грация величественной королевы, и покорность служанки, и сдержанность жены, и сладострастие, и целомудрие, и знание секретов Богов. Недоставало лишь одной маленькой детали: души. Как ни бился художник-скульптор о камень, ему не удавалось преодолеть отделявшую его и мечту прослойку из безжизненного материала. Тогда он вновь обратился к алхимии, выискивал священные тексты и тайные манускрипты. Окончательно испортил зрение, корпя над книгами по пути от статуи до пригородных рынков и обратно, он заклинал ее, делал попытки вызывать демонов и духов, но все как вилами по воде — безрезультатно. Призывы чудодейственных сил и зельеварения окончились проливным дождем и затянувшейся засухой.

Когда же он в бессилии рухнул на землю, замечая, что с камнем ему не совладать и никакие усилия не оживят прекрасный облик, так глубоко засевший подобно занозе в его сердце, он впервые воззвал к ненавистным ему Богам, моля их о любой возможности вдохнуть в изваяние жизнь. Далее приращение расходилось. По одному из толкований то ему удалось. Он ощутил помутнение рассудка, и усиленно принялся оттачивать лицо статуи. Затем, в качестве пускового реагента он использовал собственные глаза, таким образом ему удалось оживить прекраснейшую женщину, созданную им в кропотливом труде скульптора, но он не имел возможности

ее узреть.

Девушка, же увидя слепого и незрячего старика склонилась над ним и расплакалась, считая, что пред ней ее отец, как то ей вложили в голову боги. И она обняла его мягкими руками, а от слез ее на земле распускались цветы и пробивались, питаясь невероятно живительной влагой душистые травы. Пустыня расцвела в роскошный оазис. Волосы девушки напоминали цветочные поля, а ее голос — неземное песнопение.

Она и выхаживала старика, пока тот окончательно не окреп, но более он не мог видеть и, следовательно, не имел возможности оценить созданную им «дочь» во плоти. И та, в свою очередь, считала его лишь отцом, и, с потаенной скорбью он мог вкушать лишь плод дочерней любви, даря в ответ лишь скупые ласки, пока смерть не разлучила их.

Салиса часто ощущала трепетание в груди при чтении или пересказе историй о несостоявшейся любви, словно в ее жизни не доставало той искры буйных сил, обуревающих и овладевающих душой, словно ей требовался выход некоей потаенной энергии, непрерывно сдерживаемой под ролью превосходной жены любящего мужа. Нет, она ни в коем роде не жаловалась на судьбу, но... иногда ей хотелось чего-то большего, некоего приключения с необычайным итогом. Или же... то сказывался расцвет ее цветка юности.

Под платьем закрадывался теплый южный ветер, нежно ласкавший чувствительную и шелковистую кожу. Его бар-

хатные струи перебирали пучки волос, мягко трепали их, обведали тонкую шею сохранившего детское выражение лица, спускаясь по наrumяненным щекам к полным грудям, проскальзывая мимо них, в слои шелковистой одежды, где он дотрагивался до «обнаженной» теплой и загорелой плоти.

Сколь многое значил Ветер для летних островов. Он — отец, чья семя, занесенное неведомой волей с дождём, произрастало в теле болезненной земли, не способной удерживать и питать плоды боле сезона подряд. Как выражались крестьяне: «кормилец, чей гнев сулил засуху, а милость — благоденствие». Потому и праздновался каждую весну день весеннего благоденствия, когда жители сел и полей радовались урожаю, устраивали танцы и пляски, а правители Утренних Островов распахивали винные погреба и откупоривали бочки, приглашая на ночные застолья под открытым небом на поля близ русел рек. И, хотя, понимание Ветра и его религиозного содержания и разнилось от острова к острову, Ульф не преследовал какую бы то ни было религию, и на Острове Ветров считалось крайне непозволительным попира́ть чужую веру. В обмен на терпимость члены различных религиозных сект и жители, придерживающиеся своего понимания стихий, получали кров над головой и бесплатный отпрессованный рис. Некоторые добровольно «отлынивали» от работы, записываясь в ряды верующих, чтобы получать кормежку с жильем. «И, неужели, кто-то по своему выбору соглашается на подобное навсегда?» — удивлялись они как-

то с подругами. Салиса не представляла, как можно жевать одну и ту же пищу изо дня в день. Ее бы рвало при одном только виде приевшейся массы, но, однажды, к ней приходил монах: «чего бы не подарила жизнь нищему — он все примет с благоговением», с сей речью он в умилении получал миску риса, и, завернувшись в поношенную ризу, удалялся под тень деревьев. Ей запомнилась его рослая фигура и узкий лоб, не сочетавшийся с блеском гения в глазах. Хотя имелось что-то мистическое в его образе. Перед приемом пищи монах воздал похвалу богам, после чего весь день просидел в медитации, а тень от дерева не сдвинулась с места.

Салиса оглядела зарисовку на мольберте у выпирающего подвесного балкончика. Сняв туфли, она вдела ноги в мягкие тапочки и, переступив на поддерживаемую тросами платформу, прошла до его границы, где под ногами и вовсе было ударопрочное закаленное стекло. На двойных перилах, защищенных от порывов ветра деревянными вставками, разместились палитры с масляными красками. По вечерам они упражнялись здесь с дочерью в искусстве живописи, и, как говорила та: «подражания природе». «Да..., — с легкой горчинкой подумала женщина, — подражание». Обыкновенно, она таскала мольберт с собой, путешествуя по стране, включая приемы мужа, где, сев поодаль рисовала гостей и обстановку. Но, после того как в мире воцарилась нестабильность, она боялась покидать остров. Мастера различных искусств редко навещались к ним, потому что в империи положение

Ульфа воспринималось «сомнительным», Верховный Канцлер даже делал предположение, что тот занимает нейтральную позицию, а это уже был посыл на государственное обвинение, ибо по закону полагалось «отдаваться делу страны со всей благостью и страстностью». Вот и оставалось ей — малевать холсты, не имея под рукой достойного учителя. Разве что... раз она повстречала на площади некоего Художника Душ, тот так очаровал ее своей речью, что она едва не согласилась выкупить всю его коллекцию творений, а то и отдать. Но та шаловливая мысль мигом остыла под беспристрастным взором сопровождавшего ее протектора. От Художника исходило некое невыразимое влияние, затрагивающее струнки внутри ее сердца, и отдающее теплой истомой при одном лишь взгляде на его картины. Те словно оживали и двигались, когда она впивала в них взор. «Знать бы, где он сейчас?» — подумала Салиса, но подоспел Кассий, прервавший ее мечты:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.